

Анатолий Казьмин

ЗДРАВСТВУЙ, ДЕДУШКА КОЩЕЙ!

СОБСТВЕННАЯ Е.И.В. КОЩЕЯ КАНЦЕЛЯРИЯ

Анатолий Антонович Казьмин
Здравствуй, дедушка Кощей!
Серия «Канцелярия Кощея», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42649568

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-0091-6

Аннотация

Очередной отчет о произошедших событиях, составленный Захаровым Фёдором Васильевичем, всё еще страдающим от непомерной тяжести должности и.о. Кощея, но всё же оптимистично настроенным и вовсю готовящимся встретить Новый год. Привнесём культуру в массы! Покажем, что такое настоящий праздник, устроим деткам утренник, да и сами оторвёмся по полной! Ёлочка, Дед Кощей и салатик оливье – наше всё! Нам не надо битв и сражений! Нам и подготовки к празднику хватит... Дизайн обложки: Казьмина Елена

Содержание

Предисловие, или Откуда есть пошла земля Кошечева	4
История о бравом офицере, который взлетев вверх, тем не менее, опустился вниз	23
Тёмные замыслы и их последующее воплощение, или Гений тайных операций	40
Организационно-технические мероприятия, обеспечивающие проведение праздника, или Тяжело быть царём	53
Дела любовные, или О, спорт, ты – жизнь!	69
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Предисловие, или Откуда есть пошла земля Кощеева

«... – Никитушка!

– Что?

– Ты уж как будешь купцов-то слушать, меня из горницы не гони. Я-то сразу угляжу, который из них врет.

– Как же можно? – Я дружески приобнял бабуку за костлявые плечи. – Мы теперь одна команда. Оперативный отдел. Работаем вместе, согласно штатному расписанию. Митька, дуй к Гороху, скажи, что у меня новое дело, пусть к обеду не ждет. Потом рысью назад. Бабуля, зовите пострадавших!

Если бы я знал, чем это дело закончится, – ни за что бы за него не взялся».

Уф-ф-ф... Всё. Я поставил точку, сохранил документ и откинулся в кресле, разглядывая на мониторе последнюю страницу свеженького ещё текста. Набрал наконец-то, а то уже перед Никитой стыдно становится. Обещал еще давно перегнуть его книгу в комп, чтобы распечатать впоследствии, а всё тянул до последнего. А скоро Новый год – всего пара недель осталась, вот и будет классный подарок Лукошкинскому участковому милиции, Ивашову Н.И.

Я, кстати, тоже заразился от Никиты сочинительством, даже не ожидал от себя. Только мы в разных стилях пишем. У Никиты настоящий художественный роман получился, с юмором и, надо отметить – с немалой долей выдумки. Но – здорово, мне понравилось. Я же пишу скорее хроники, чистейшая документалка такая. Никаких там веселых моментов, битв, кровопролития, что так часто встречаются в современном творчестве. Нет, просто скрупулёзное изложение фактов, никакой фантастики, одна историческая правда. Вот почему, кстати, у нас получились разные описания одних и тех же событий. Но это даже и хорошо, думаю. Одним нравятся веселые книги почитать, а другие требуют серьёзных, аналитических подходов к описанию исторического процесса. Каждому – своё, а в целом – гармония. Сразу отмечу, что данный отчет тоже выдержан в строгом стиле документалистики. Никаких глобальных сражений просто монотонное перечисление событий. Так что потом не ругайтесь, я предупредил.

А Никите распечатаю, обложку какую-нибудь придумаю, да отдам нашим умельцам, чтобы переплели. Да тому же Аристофану, например. Он на фальшивых золотых слитках узоры защитные наловчился делать, уж переплет-то наверняка осилит. Правда как узнает, что для милиции старается, сразу бурчать начнёт мол, «западло, босс на ментов пахать в натуре». Ничего, потерпит. Царь я или не царь?

Кстати, вопрос довольно интересный. Потому что с одной

стороны я ещё какой царь и даже император да мало того – Кощей, а с другой стороны как ни крути, так только исполняющий обязанности вышеперечисленных должностей. На самом деле я – скромный начальник Канцелярии при дворе Кощея. Статс-секретарь Федор Васильевич Захаров, если уж официально. Прошу любить и жаловать, хотя такие проявления чувств с вашей стороны будут весьма затруднительны, учитывая, что перед тем как согреть меня теплом, пронестись они должны не только сквозь пространство, а и через время. За тридевять земель как минимум, а уж в стародавние времена, так вполне определено. Ну, живу я тут, понимаете? Это я не сам сюда попал, не подумайте. Это Кощей постарался. Понятное дело, что он старался не для меня, просто задумал убрать со своего пути вышеуказанного участкового и почему-то решил, что оптимальным оружием против него будет его же соотечественник. Вы понимаете такую логику? А я вот постепенно стал понимать. Поживите тут с моё, еще и не такого нахватаетесь. Одно скажу – теперь я очень рад, что так всё получилось. Вначале-то волком выл, на стены кидался, требовал вызвать адвоката, консула и спецназ, а потом как-то постепенно привык, вник в обстановку, с коллегами-друзьями сошёлся и сейчас обратно не хочу, хоть стреляйте.

– Внучек, бросай ты компьютер свой бесовской, а давай-ка лучше за стол. Я ить тебе сейчас оладиков нажарю, хочешь? Со сгущенкой!

– А давай, Михалыч, – сразу согласился я, а дед даже икнул от удивления.

Как это так – Федьку упрашивать покушать не пришлось! Целый ритуал просьб, плавно переходящий через логические доводы к прямым угрозам и обломался!

Дед, обескуражено чеша в затылке, зашаркал к себе в комнату, где давно еще установил маленькую печурку, как раз для оладиков, блинов или просто – разогреть что-нибудь. Основные блюда нам из кухни доставляют, а вот особые вкусняшки Михалыч сам делает.

У двери к себе дед оглянулся и уточнил:

– Точно Федька? А то я наделаю сейчас, а ты снова нос воротить будешь.

– Не дожدهшься, Михалыч. Со сгущенкой я что угодно съесть готов. В крайнем случае – Тишке да Гришке отдашь.

Тишка да Гришка – это бесенята Михалыча. Они маленькие еще, даже разговаривать не умеют. Зато умеют деду помогать по хозяйству, а еще – проказничать, да так, что Аристофан со своими бандитами от зависти из серых зелеными становятся, когда про очередные проделки бесенят узнают.

Аристофан? Это тоже бес, только уже взрослый. Он у меня командиром отряда служит в Канцелярии. В подчинении у него двадцатка бесов же, а обязанности – что ни скажу, всё выполнять. Ага, я тут хорошо устроился. И это никак от моего нынешнего царствования не зависит. Аристофан, между прочим, именно на Канцелярию работает с самого начала –

ветеран. Бесы они вообще-то жуткие разгильдяи. Вороватые, проказливые, ленивые. Но мы сразу Аристофану по рогам настучали, а он уже своих бойцов в оборот взял, и теперь хлопот с бесами у нас практически нет. «По рогам», кстати – это не эвфемизм. Бесы, как вы понимаете, и с рогами, и с хвостами, и с поросячьими пяточками, всё как положено.

Михалыч? Не, он не бес – обычный человек. Ну, в физиологическом смысле, а на самом деле – личность уникальная. Посмотришь со стороны, ну старичок и старичок. Невысокого роста, с бородой, да и одежда на нём самая простецкая по местной рабоче-крестьянской моде. А на самом деле моего деда тут все знают и уважают, а кто не уважает, тот боится. А кто не боится, тех уже и в живых-то давно нет. Ну, кроме меня. Я деда не боюсь, а люблю. Я как тут казался, Михалыч меня сразу под крылышко взял, заботой и теплом окружил, и я его сейчас как родного дедушку и воспринимаю. Да и он ко мне всё «внучек, да внучек». Он-то у нас семьёй так и не обзавелся, пока сейфы у богачей по всей Европе вскрывал, а на Русь вернулся уже в возрасте, да так и остался одиноким. А тут я ему подвернулся и теперь сполна огребаю всю дедову нерастраченную любовь. Не-не, дед у меня не какой-нибудь там монах-затворник, совсем даже наоборот. И выпить любит, и морду набить может, и дама сердца у него есть, а при необходимости и с топором на обидчика кинется. Обычный такой дедушка.

– Ну-ка, – дед с сомнением посмотрел на меня и поставил

на стол тарелку с горячими еще оладиками. – Садись Федька, коли не передумал.

– А сгущенка?

– Иван Палыч сильно извинялись – переварилась сегодня сгущенка, карамелью отдаёт, – развел руками дед. – Так что придется тебе, внучек, с вареньем оладики кушать, а сгущенку я ентим двум паршивцам, Тишке да Гришке отдам.

– Да конечно! – я подскочил с кресла, в которое тут же забрались бесенята. – Вот варенье им и скармливай, а мне сгущенку подавай! Ничего, пропихну как-нибудь в себя и с карамельным привкусом.

Тишка да Гришка на сгущенку и внимания не обратили, продолжая скакать в моём кресле, махать лапками, рожками и хвостиками, да жалобно поскуливать, привлекая моё внимание. Это они мультики требуют. Подсадил я их на мультфильмы крепко. Дед, кстати, тоже не брезгует произведениями кинобизнеса. Но он больше фантастические сериалы полюбил – часами может спорить, кто круче в бою: клингоны или джедаи. А еще больно ему шлем Дарта Вейдера по душе пришёлся. Он даже в наши мастерские бегал, просил такой же сделать для меня. Я сейчас на официальные мероприятия обычный шлем одеваю, ну такой в виде волчьей головы. У Кощея из его запасов позаимствовал. Всяким там послам и почетным гостям, прибывающим с визитами к нам во дворец, мне лицо своё показывать не рекомендуется мол, не и.о. какой-то с важными лицами беседу ведёт, а как бы сам Ко-

щей. Тем более что шлем этот еще и голос отлично искажает.

Но я от дедовой поделки напрочь отказался еще на стадии идеи – я и к волчьему уже привык. Да и Михалыч после первого образца из мастерских, тоже охладел к своей творческой задумке.

Я не очень сумбурно всё излагаю? В моих предыдущих отчетах я всё подробно расписывал, но думаю, стоит хотя бы конспективно всё-таки рассказать об общей обстановке в нашем царстве-государстве, да и с основными персонажами познакомить на тот случай, если кто-то не читал мои ранние хроники.

Государство наше – сказочная Русь, расположено... ну где-то на территории современной России. Так неопределенно, потому что так и есть на самом деле. Тут не карты географические, а направления. Надо вам попасть, к примеру из стольного града Лукошкино к нам на Лысую гору, под которой дворец Кощея находится, останавливаете тогда первого попавшегося прохожего и просите указать дорогу. Он вам пальцем сразу и ткнёт мол, туда и иди, а потом тем же пальцем у виска покрутит мол, иди-иди коли мозгов нет, да добровольно Кощею в лапы попасть хочешь. Да еще и добавит традиционно – тридевять земель пройдешь, три пары железных сапог сносишь ну и так далее по текстам известных сказок. И, кстати, если и надумаете идти, то так и получится и неизвестно, сколько лет добираться придётся, причем через заколдованные леса, где хозяйничают всякие странные

зверушки и обитатели от леших до чугайстырей или через реки, кишасшие русалками и водяными. Это нормально для здешних краёв, все давно привыкли. Только я пешком на такие расстояния не хожу. Да никто не ходит, особых дураков тут нет. Ну, кроме классических, сказочных, которые почему-то поголовно зовутся Иванами. У меня для передвижения есть Змей Горыныч, правда он сейчас на морях отсиживается – зиму переживает. Есть еще могучий жеребец Кошечья – Максимилиан, говорящий и не в меру начитанный, иногда просто достающий своей вежливостью и болтовнёй на темы древних цивилизаций, пирамид, ацтеков и прочей околонуучной ересью. Зато ему подвластны особые пути, тропы и до того же Лукошкино он часа за три-четыре запросто меня довозит. А с месяц назад мне вообще классная штуковина в руки попала – Шмат-разум. Вещь, честно вам скажу. Раньше это создание могло запросто любое желание исполнить, ну, например мост хрустальный с одного берега реки на другой протянуть в самые кратчайшие сроки, а сейчас что-то глючить у него стало, а может просто выдохся от злоупотребления самогоном, и осталась у него одна-единственная способность – перемещать людей с места на место. И получается это очень качественно. Скажешь, эдак: «А ну, Шмат-разум, перемести меня сотоварищи на утренние профитролли во дворец французского короля!» и через секунду вы уже в Париже, в окружении хлопнувших в обморок придворных, во главе с местным королём.

О, простите – Гюнтер с докладом пришёл.

Пока он не начал, коротко поясню. Гюнтер – это дворецкий местный. Довольно неприятный тип, да еще и на меня глаз положил. Угу, в том самом смысле. Правда, пока я тут царствую, он себе ничего такого не позволяет, а вот когда я был просто начальником Канцелярии, то к радости моих добрых и участливых сотрудинок, всегда готовых похихикать над вышестоящими товарищами, заваливал меня орхидеями и слащавыми открытками с пошлыми намёками.

– Ваше Величество, – поклонился он, прорываясь в Канцелярию сквозь заслон моей личной гвардии – рыцарей-зомби.

– Давай, Гюнтер, заходи, – махнул я рукой. – Оладики будешь?

– Со сгущенкой, Государь?

– А как же.

– А можно просто сгущенки кружечку – я потом у себя откушаю?

– Ишь хитрован какой, – хмыкнул дед, но пошел к себе, запаковать дворецкому сгущенку на вынос.

Тут тоже надо пояснить. Ох... Достану я вас пояснениями, но без них запутаетесь... А надо было мои предыдущие отчеты читать!

Сгущенку это я сюда привнёс. Мы её вместе с нашим шеф-поваром научились делать. Кухня тут во дворце шикарная, а заведует ею, конечно же француз – Жан-Поль де Бац, а

по-нашему – Иван Палыч. Иван Палыч у нас – большая умница, фанат своего дела. Когда я сюда попал, то быстро с ним спелся и теперь царская кухня может похвастаться новыми блюдами – торт «Наполеон», сгущенка и салат «Оливье», который пока не рекламируется и в массовое производство не поступил. Берегу его на Новый год. Да и с майонезом никак справиться не можем пока, зато зеленого горошка Иван Палыч закатал несколько банок, ура.

– Что у нас нового, Гюнтер? – спросил я, расправляясь с последними оладиками.

– Тишина, Ваше Величество. Последние послы по домам разъехались. Приходила пара очередных царевичей вас воевать, но услышав, что в заточении пока ни царевен, ни принцесс, ни даже цариц нет, развернулись и уехали. Обещали весной наведаться.

– Вот и хорошо, – прочавкал я. – У нас сейчас и без них хлопот полно – Новый год на носу. Кстати, как придворные приняли мой Указ о назначении выходного дня, да и сам новый праздник?

– Спокойно и с пониманием, Ваше Величество, – Гюнтер благодарно кивнул Михалычу, принимая из его рук, обвязанную тряпицей глиняную кружку со сгущенкой. – Благодарю, господин Михалыч, вы как всегда крайне любезны и готовы поддержать пострадавшего ради Отечества.

Кстати, тут Гюнтер не врёт и не преувеличивает. Пару недель назад он лишился глаза при попытке одного мерзкого

древнего колдуна – Лиховида, устроить дворцовый переворот. Теперь Гюнтер щеголяет разноцветными повязками на глазу, меняя их по настроению, а колдун сидит в заточении в маленькой коробочке.

– Да не за что, милай, – покивал головой Михалыч. – Это Иван Палычу спасибо, что не забывает нас.

– И мне, – обиженно встрял я. – Я же рассказал, как стущенку делать!

– А тебе, – дед подвинул мне кружку чая, – ежели расправился с оладиками, то пора и делами царскими заниматься, а не валяться на диване, от работы отлынивая.

– Ну, дед... – тут же заныл я. – Я же не от лени на диване валяюсь, а для лучшего пищеварения, будто ты сам не знаешь.

– Иди-иди, Федька. Раз выбилси в цари-ампираторы, так соответствовать должён!

Это Михалыч так прикалывается. Ни в какие цари я не выбивался, больно надо было. Это мне Кощей подкузьмил. Враг тут у него древний объявился, а справиться с ним у Кощей пока силёнок нет, вот и взял он да добровольно сдался в плен официальному царю нашей страны – Гороху. Кстати, вполне нормальный царь. Хотя, это простым жителям он царь, а если по нашим правилам судить – просто Горох. Ибо царь-батюшка у нас только один – Великий и Ужасный Кощей. И вот этот Великий да Ужасный вполне, знаете ли, здраво рассудил, что если он для своего врага станет недо-

ступен, то тот злодей будет тихо сидеть и дожидаться, когда же ему этот самый доступ к телу Кощея откроют. И выгода от этого плана очень даже великая оказалась. Вот представьте, что тот Кощеев противник, а надо сказать, что обычный его облик – большо-о-ой такой змей (не путать с Чингачгуком и тем более с Горынычем), размером с полквартала, летающий и совершенно чокнутый, вступил бы в бой с Кошеем и с большой вероятностью прибил его. Не насмерть, конечно – бессмертный у нас царь, но вернуться в привычную ипостась Кощею удалось бы ох как не сразу. Могло и несколько сот лет пройти, кстати. И это – еще полбеды. А настоящая беда могла произойти, когда после победы тот нечингачгук отправился бы сносить под корень Лысую гору вместе с дворцом, который под ней находится, а потом, наверняка отправился по Руси резвиться, обнулив для начала Лукошкино. И получается, что Кощей своей сдачей в плен не только себя спас, а в первую очередь – наше государство. Самоотверженный, даже героический поступок. Вот только этот герой сейчас где-то за Уралом в тюрьме строгого режима прохлаждается, а я за него тут лямку тяну. Вот такая справедливость. И я снова подчеркну – сам я на этот пост не стремился. Кощей перед отсидкой оставил официальное письмо, в котором на время своего отсутствия назначил меня даже не то что царём, а самим Кошеем. Вот и...

Ага, вспомнил отличную цитату, подходящую к случаю: «Вот вы говорите: «царь-царь»... А вы думаете, нам, царям,

легко? Да ничего подобного, обывательские разговорчики». Очень, знаете ли, в тему звучит.

А почему именно меня? А больше некого. Нет-нет, я не гений (скромничаю, конечно) и не незаменимый, просто действительно некого. Из людей на более-менее приличных постах, во дворце только Гюнтер, мой Михалыч, Иван Палыч, да я. Без ложной скромности скажу, что выбор тут очевиден для всех. Да никто и не возражал – дураков тут нет против воли Кощея идти. Уже нет. Вывелись вследствие естественного отбора.

– Ваше Величество, – напомнил о себе Гюнтер, терпеливо дожидавшийся, пока мы с дедом не закончим очередную перепалку, – а стоит ли ставить ёлку на верхушке Лысой горы? Не обойдёмся ли ёлкой только в Тронном зале? Я понимаю – праздник, только эта ёлка как маяк сработать может.

– Да кого нам бояться, Гюнтер? – отмахнулся я. – Гороха? Даже не смешно.

– Фон Дракхена, – строго уточнил дворецкий.

Это так официально того гада, врага Кощеева зовут.

– Кощей говорил, что фон Дракхен холод совсем не переносит и по таким морозам фиг он куда из своего отапливаемого замка выберется. Ну, даже и выберется – он же знает, что Кощей тут нет, а мы ему неинтересны. Давай, Гюнтер, ставь обе ёлки, отпразднуем Новый год, порадуем население в кои-то веки.

– Как скажете, Ваше Величество, – коротко поклонился

дворецкий. – Я могу идти?

– Ещё вопрос, Гюнтер. Нужна мне помощь в организации праздника, сам я всё не потяну. Ну, эдакий комитет по подготовке, человека три активных, не ленивых. Есть такие на примете?

– Именно людей, Государь? – уточнил дворецкий.

– Нет, конечно, – отмахнулся я. – Что ты меня на слове ловишь, как будто унижить перед подданными желаешь? Ты у нас не враг народа случайно?

– Просто уточняю, Государь, – невозмутимо отозвался Гюнтер. – Сегодня же подберу... хм-м-м... людей и доставлю пред очи ваши ясные и совсем не грозные.

– Как это не грозные? – возмутился я. – Ещё какие грозные! Ладно, можешь идти. И смотри у меня! Ух, я в гневе страшен!

– Как скажете, Ваше Величество, – согласился Гюнтер и покинул Канцелярию.

Бесенята, дождавшись ухода дворецкого, завопили с новой силой, да так, что даже дед поморщился:

– Да включи ты им енти мультики, внучек, так и оглохнуть можно.

Ага, я сразу и поверил, что Михалыч за уши свои беспокоится. За Тишку да Гришку он переживает! А мне теперь вставать с дивана и плестись к компу. Ладно, чего только не вытерпишь ради мира и спокойствия.

Между диваном и компом у нас дверь в генераторную, где

с удовольствием пашет мой дружище – скелет Дизель. Я заглянул к нему, помахал рукой, а он в ответ радостно закладывает челюстью, не прекращая ни на мгновение крутить рукоять генератора.

Дизель – это тоже идея Кощея. Царь-батюшка меня из моего времени вытащил прямо из геологической партии, где я подрабатывал сезонно. Прямо с вагончиком со всей аппаратурой, спасибо ему за это, благодетелю нашему. Я бы без компа точно ходил бы тут скучный и грустный. Если бы вообще выжил. А так удалось Кощею заинтересовать достижениями науки и техники, а потом и полезным стать, вот постепенно за чуткость, гениальность и скромность и выбился в большие начальники. А Дизеля мне как раз Кощей и посоветовал в качестве замены бензина, которого тут даже в теории пока не существует. Михалыч приделал к генератору рукоять и теперь Дизель с чувством огромного удовлетворения, крутит её, а комп работает. Дизель после этого стал местным героем у всех скелетов. Особенно после того, как за особые заслуги я ему красным фломастером, нарисовал на лбу знак радиационной опасности. У скелетов во дворце жизнь тоскливая, скучная, а тут такой прорыв в карьере, вот и образовался у нас тут клуб дизелепочитателей. Да ладно, не мешают – пусть развлекаются. Однако есть в этой ситуации и огромный минус для меня. Кощей наш батюшка, чтоб ему икалось в цепях в тёмной камере, запрограммировал Дизеля запускать генератор ровно в шесть утра. Оно бы

и ничего, но при вращении рукоятки косточки скелета так громко и отвратительно визжат, что от этого ультразвука я тоже теперь вскакиваю в шесть утра.

Я полюбовался бесенятами, затихшими в кресле, замороженными «Ну, погоди!», который они пересматривают, наверное, в тысячный раз. Почесал между рожек Тишку, потом – Гришку, а может быть наоборот – вечно их путаю и задумался.

Глобальных дел ну, таких что всё бросить и куда-то бежать в очередной раз, спасая мир, не было. А вот делишек скопилось больше чем хотелось бы, и заниматься ими было жутко лениво.

– Внучек, – будто угадав мои мысли, протянул дед, убирающий в шкаф миски после легкого перекуса, – а ты ведь давно у Варьки своей не был а? Может смотаемси в Лукошкино? Поглядим, не случилось ли чего?

Ага, заботливый какой. Это он сейчас на самом деле не за меня переживает и не за мою девушку, а прикидывает, как бы самому попасть к своей пассии – могучей тётке Пелагее, служащей у моей Вари домоправительницей. Любовь у них с дедом.

А вообще любовный вопрос у нас тут даже и не вопрос, а устоявшийся факт. Будто не декабрь, а март месяц на дворе – все в чувствах, переживаниях. Вот смотрите. У меня – Варя. Чудесная девушка, которой удалось сбежать из монастыря после того как она стала сиротой, а два братца запихнули её в

туда, чтобы она не мешала им прогуливать наследство. Я про это тоже подробно рассказывал в предыдущих хрониках.

Варя у меня – настоящая боярыня, знатного рода Зубовых. Сейчас она проживает не в своём имении, а в стольном городе Лукошкино, где с милостивого изволения (ха-ха!) Гороха, вот-вот собирается открыть первую школу для детишек.

Поборов свою невероятную скромность, исключительно ради истины, должен отметить, что я принимал самое непосредственное участие во всех приключениях Вари. Её братцев, которые опустили до откровенного грабежа на большой дороге, силами нашей Канцелярии удалось избавить от смертной казни, и милостивым судом Гороха они были отправлены на пожизненную каторгу. Варя была восстановлена в правах и с увлечением достраивает школу, половину расходов по которой, кстати, я взял на себя под видом некоего гуманитарного фонда.

А в целом у нас с Варей всё хорошо даже отлично. И пожениться мы планируем, наверное, летом. Вот только повидаться с ней удастся не так часто как хотелось бы. Дела, сами понимаете.

Следующая любовная линия это, как я уже говорил – Михалыч и Пелагея. Особо ничего про них сказать не могу. Пожилые люди, развлекаются, как могут. Счастья им, здоровья и, хи-хи, детишек побольше.

Еще один любовный сюжет это уже в духе «Ромео и Джу-

льетты»: участковый Ивашов из Лукошкино и наша новая сотрудница – бесовка Олёна. Отношения у них развивались постепенно и довольно сложно. Ну, по разную сторону баррикад они оказались, что уж тут поделывать. Про Никиту я рассказывать не буду – он сам про себя прекрасно в своих мемуарах рассказывает, а вот про Олёну пару слов скажу. Она родилась обычным человеком, но еще в детстве попала в рабство по договору к Кощею и он её быстренько переделал в бесовку. Я этих тонкостей ни в юриспруденции, ни в колдовстве не понимаю, просто принимаю как факт и договор этот и бесовку, не вникая в детали. Как бы то ни было, но Олёне совсем невмоготу стало на службе у Кощея и решила она любыми путями обрести волю. И, знаете, получилось у нее. Правда – в перспективе. Летом Кощей пообещал отпустить её, а пока она зачислена в мою Канцелярию и служит верой и правдой. Ну а в процессе службы встретилась с Никитой, и завертелось у них и как я думаю – очень серьезно.

Есть и еще одна парочка у нас, самая первая из всех. Это наша сотрудница, простая вампирша Маша и её пламенный поклонник – немецкий посол Кнут Гамсунович Шпицрутенберг. Про Машу я вам потом расскажу. Она у нас личность неординарная и парой слов не обойтись, а вы у меня и так уже устали от пояснений. Да и Михалыч давно ответа ждёт.

– А знаешь, деда, возможно, ты и прав...

Михалыч аж подпрыгнул от негодования:

– «Возможно?!» Да ить как у тебя только язык поворачи-

ваецси, Федька, такое говорить?! Я всегда прав!

– Я пытался сказать, пока ты меня не перебил, что можно действительно в Лукошкино смотаться, но если тебе важнее свои скрытые комплексы тут демонстрировать, то давай лучше останемся. Я тебе сейчас психологические тесты запущу на компьютере, будем выявлять, что ты у нас за личность на самом деле и как с тобой бороться.

– Паразит ты, внучек, – вздохнул дед. – И как только Кощей-батюшка тебя царем назначил... Одевай свой полушубок да поехали, уговорил.

Ну и как вы думаете – удалось мне повидаться с Варей? Правильно – нет.

А у нас тут всегда так. Стоит задумать что-нибудь полезное, а главное – приятное, как тут же происходит нечто, сразу нарушающее все планы.

История о бравом офицере, который взлетев вверх, тем не менее, опустился вниз

Испортил нам с дедом приятное времяпровождение Аристофан. Нет-нет, не в том смысле, что это у меня с дедом романтические отношения возникли, разумеется. А в том, что планы повидать наших милых дам навернулись сегодня как Винни-Пух с дерева.

– Это... босс! – заорал крайне возмущенный командир моего диверсионного отряда бесов, врываясь в Канцелярию. – А чё они там ваще в натуре офигели, а?!

Дед вздохнул и отложил полушубок в сторону:

– Опять твои паразиты что-то натворили?

– Ты чё, дедушка Михалыч! Пацаны в натуре не при делах! Это всё они, блин! Мало им тогда босс всыпал!

– Ты про подвалы что ли? – догадался я.

Аристофан, весь кипя от негодования, только кивнул и стукнул себя кулаком в грудь. Не Кинг-Конг, конечно, но звук хороший получился, громкий.

– И что случилось? С твоих бандитов деньги за выпивку потребовали, а им платить нечем?

У нас тут во дворце, точнее – под дворцом, находится масса увеселительных заведений. Казино, куча баров со стрип-

тизом и без оно́го, различные забега́ловки, дома любви и прочие радости для заскучавших придворных. Мне туда ходить нельзя – Кощей запретил уж и не знаю по какой причине, но послушаться его я не хочу да и сам туда не особо рвусь.

А в прошлом месяце там вообще бунт вспыхнул, представляете? Против меня-батюшки. Разметала бунтовщиков в ключья моя тридцатка рыцарей-зомби, полученная мной по наследству от Кощея, да сотня скелетов во главе с Дизелем. Владельцы злчных заведений быстро поняли с кем жить лучше в мире и по чьим именно правилам, и проблем больше до сегодняшнего дня не было.

– Ты чё, босс! – Аристофан даже задохнулся от возмущения. – Братва всегда реально за себя платит!

Я захихикал, а дед поднял глаза к потолку. Ага, как же. Сколько раз приходилось выручать Аристофана, подкидывая ему денегат, чтобы расплатился за прогулянное и пропитое.

– Ты, Аристофан толком говори, – потребовал я. – А то я и не знаю то ли уши тебе надрать, то ли опять рыцарей подымать. Точнее – опускать. Вниз.

– Так ты же сам, босс и приказал в натуре, – удивился Аристофан.

– Я?!

– Ну, типа Указ такой, босс. Мол, я – реально глава комиссии, ну этой... блин и не выговорю. Короче, должен прошмонать там всё.

– Деда?

– Было такое, внучек, – кивнул Михалыч. – Аккурат перед самым бунтом ты Указ издал, а подвалы-то и поднялись после ентого.

– Гю-у-унтер! – заорал я в воздух. Это тут самый быстрый способ вызвать кого-нибудь ко мне. Не знаю, дворец ли так реагирует – мы же с ним в ментальной связке, а скорее всего кто-то из придворных неподалеку дежурит.

Как бы то ни было, но минут через пять дворецкий уже стоял передо мной.

– Гюнтер, а напхни, пожалуйста, что там за указ такой был, в котором Аристофан должен был в наших злчных местах инспекцию проводить?

Дворецкий закатил глаза... пздон – глаз к потолку, пожевал губами и процитировал:

– «Назначить Аристофана главой инспекционно-санитарной комиссии и со всеми его бесами отправить в подвалы»...

– О, как... Ну да точно, так я и распорядился тогда, – я повернулся к Аристофану, – Ну и что там сегодня произошло?

– Облом, босс. Мы типа в один кабак сунемся мол, проверка пришла, радуйтесь в натуре, а там уже кодла охранников с соседних забегаловок набежала конкретно. Мы в другой, а они уже там. Их реально много, босс.

– А не в том дело, – вспыхнул вдруг дед, – что много, а в том, что супротив указа царя-батюшки переть посмели!

– Точно, деда, – согласился я. – Похоже, не додали мы

их тогда.

– В натуре, босс, – подтвердил бес.

– Был там один... не помню имя, но говорил, что бар у него... как же там?.. А! «Бес и дева».

– Матвей, босс, – подсказал Аристофан. – Реальный мужик, без базара. Только таких там – две-три штуки на всю кодлу.

– Точно, Матвей. Давай-ка, Аристофан тащи его сюда, поговорим. А вообще надо вопрос решать кардинально. Ну что за дела – каждый месяц нам бунт теперь устраивать будут?

– Под корень их вырезать, внучек, – предложил дед, – а вместо их новую прачечную открыть, али вторую кухню.

– Не-не, Михалыч! – перепугался Аристофан. – Никак нельзя в натуре, ты чё?!

– Да-а... Не поймёт нас народ, дед, если совсем прикроем. Тогда весь дворец взбунтуется.

– Опять же прибыль оттудова немалая идёт, – забрал назад своё предложение Михалыч.

– Я погнал, босс? За Матвеем типа?

– Давай, Аристофан, только быстро. В кабак не заверни по пути.

– Прикажете снова ополчение скелетов созвать, Ваше Величество? – предложил Гюнтер. – В помощь вашей гвардии?

– Да пока вроде и не надо, спасибо.

Гюнтер ушел, а на его место вскоре появился Аристофан со знакомым мне уже владельцем бара – Матвеем.

– Ну что, Матвей, – строго начал я, – не оправдал ты моих надежд. Опять бунтовать вздумали?

Матвей рухнул на колени:

– Не вели казнить, батюшка, а только не виноватые мы.

– А кто виноват? Надеюсь не я?

Шутка не удалась – Матвей только непонимающе посмотрел на меня и вздохнул:

– Не по-людски у нас там дела идут, батюшка. Маемся мы, горемычные, тыкаемси туды-сюды, а без толку. И рады бы жить тебе да себе на пользу, а никак.

– Вот как? Порядка не хватает? А если наведу порядок, не взвоете?

– Да батюшка ты наш... – Матвей даже подскочил. – Да ты только силушкой всподмогни, а мы уж порядок и сами наведём!

– Понял, Матвей, хорошо. Будет вам силушка.

Матвей ушел, Аристофан не сводил с меня преданных порослячих глазок мол, вот-вот озарит меня и всё само собой исправится. А дед, как обычно при решении проблем, потащил на стол самовар.

– Деда, погоди пока со своим чаем. Только же оладушки ели.

Дед вздохнул и к моему изумлению без споров и причитаний утащил самовар в свою комнату.

Я повернулся к бесу:

– Аристофан, давай гони свою банду обратно в казарму и

сидите там пока не позову.

– Отряд у меня, босс, – привычно надулся Аристофан. – Типа реальный боевой такой.

– Отряд-отряд, – отмахнулся я и едва бес покинул Канцелярию, плюхнулся на диван и потащил из коробки сигару.

Нет, я не заядлый курильщик, так иногда балуюсь. Да и сигары какие-то горькие, крепкие. А вот повертеть её в пальцах, полюбоваться на сизый дымок – очень даже способствует в раздумьях.

Сразу предупрежу возмущение дотошливых читателей мол, не может быть в этом времени табака, помидоров, той же картошки и много другого. Правы вы, абсолютно правы – не может быть. Но – есть. Я тоже сначала удивлялся, но Кощей всё очень просто объяснил: привозят купцы из-за моря-окияна. И всё, все вопросы сняты.

Дизель тихо скрипел за дверью, бесенята так же тихо пихались и ёрзали в моём кресле, не отрываясь от монитора, на котором Волк всё так же безуспешно гонялся за Зайцем. Дед, сидя за столом, начищал ордена и медали с моего генеральского мундира и изредка поглядывал на меня – не созрела ли очередная гениальная идея у внука.

А ведь созрела. Не быстро, не полностью, но когда я подскочил внезапно с дивана, дед заулыбался, покивал головой и пошаркал за самоваром.

– Михалыч, а вот скажи, – я еле дождался когда дед водрузит самовар на наш большой стол из простых струганных

досок, – если я тут натворю что-нибудь, ну указ какой издам, который Кощею не понравится, не прибуёт ли он меня потом когда вернётся?

– Ну, если ты не вздумаешь, к примеру, перенести дворец в Лукошкино или еще какую глупость не сотворишь, то посопит Кощей-батюшка, да и махнёт рукой своей костлявой. Ить он же тебя на царский пост назначил, значится всё, что ты ни делаешь, всё с евойного одобрения получается. Захочет тебе пинка дать, а не станет, чтобы престиж свой не уронить.

– Престиж... И откуда ты, деда такие словечки знаешь?

Михалыч только фыркнул. А да, всё время забываю, что дед в молодости по Европе гастролировал и на основных европейских языках худо-бедно, а объясниться может.

– Деда, тогда следующий вопрос: а не повесить ли нам Калымдая? Сейчас он у нас майором служит, а мы ему дадим... ну, полковника, скажем. А? Кощей не озверееет от такого моего самоуправства?

– Да и хрен с ним, – пожал плечами Михалыч. – Ежели и озверееет, так сбегает на луну провоеется да отпустит его. А ты ведь, внучек, – дед прищурился, – не от доброты душевной нашего бравого вояку в чине повесить хочешь, а? Ну-ка признавайся, что ты там удумал?

Признаюсь, конечно, только вас с Калымдаем познакомлю. Ну, тех, кто еще с ним не знаком. Есть у Кощея отдельное войско даже, скорее – народ. Шамаханями называются.

Бандиты натуральные, очень похожи на монголо-татарских захватчиков только в отличие от них по физиологии своей ближе к бесам: рожки, хвостики, хотя и без пяточков. Используются они для защиты в основном восточных границ, а также для любых военных кампаний. Вот и наш Калымдай от роду – шамахан. А по натуре – эдакий царский офицер XIX века. Прошёл обучение в Военной Академии имени Кощея, растерял шамаханское варварство, а взамен приобрел кроме воинских знаний офицерский блеск и элегантность.

Когда мы с ним в первый раз встретились, он был в чине ротмистра и командовал отдельной сотней шамахан, которых выдрессировал в настоящий спецназ. Видел я их и в бою и во время спецопераций – бойцы великолепные. После первого же нашего совместного дела я выклянчил у Кощея майорский чин для Калымдая. А потом как-то незаметно мы сдружились, а после того как я перетащил его со всей сотней к нам в Канцелярию, мы вообще не разлей вода. Его сотня, кстати, прямо тут у нас и располагается. Как выйдешь из кабинета, так в одну сторону – казарма бесов Аристофана, а в другую – Калымдай со своими ребятами.

– Наливай, Михалыч! – скомандовал я, перебираясь за стол.

Дед налил мне большую кружку душистого чая, а сам сел напротив:

– Ну?

Чай был вкусный, пряники тоже. Идею мою дед после

небольших уточнений и корректировок одобрил и пошел звать Гюнтера. Загоняем мы сегодня дворецкого. Ничего, работа у него такая.

Подойдя к компу, я ткнул «пробел», поставив мультики на паузу, чем тут же вызвал обиженный писк бесенят. Потерпят. У меня тут дело государственной важности.

Шаблоны на все случаи жизни с двухстраничными перечислениями титулов Кощея у меня уже были заготовлены, осталось вписать в один из них:

«Повелеваю: за особые заслуги перед государством, проявленную храбрость в сложных операциях, за личную доблесть на поле боя и вне его, наградить орденом «За Кощея-батюшку» нашего бравого воина Калымдая Кощеевича и назначить ему чин полковника героической, непобедимой и легендарной армии всё того же Кощея-батюшки, то есть меня».

Само собой – дата, подпись, печать.

Печать приложил Михалыч, заботливо храня её в своем безразмерном кошеле на поясе. Это враки всё, что кошель безразмерный – не более шести пудов в нём унести можно.

– Ваше Величество? – в кабинет степенно вошел Гюнтер.

– Через полчаса в тронном зале будет официальная церемония, – оповестил я. – Всех бесов Аристофановых туда согнать, роту Калымдая и его самого. Придворных, какие по-

падутся под руку – тоже туда гони для массовки.

Гюнтер поклонился и исчез, а я повернулся к деду уже протягивающему мне официальный плащ для выходов. Шлем одевать не стал – сегодня внутренняя церемония, все свои.

Ах да, мультики снова включить мелким паразитам. А то так забудешь – еще и в кроссовки нагадят от обиды или джинсы пожуют, когда спать буду.

В тронный зал я вошел торжественно в сопровождении тридцатки рыцарей-зомби. Суровые ребята надо сказать. Личная гвардия Кощея, перешедшая мне временно по наследству. У меня с ними тоже ментальная связь, поэтому, едва я вскарабкался на высокий трон, сразу дал мысленный приказ командиру фон Шлоссу:

– «Барон, поставьте своих людей в шеренгу справа от трона».

Слева уже стояли, переминаясь с лапы на лапу, бандиты Аристофана. Михалыч быстро прошаркал к Калымдаю и его сотня замкнула квадрат. Ну а придворные, которых уже набежало немало, толпились за рядами воинов.

– Майор Калымдай! – проорал я. – Стать в центр! Яви нам себя, благородный воин!

Калымдай удивился, но отчеканил шаг и замер в центре.

Ну, я и зачитал указ в сокращенном виде без титулов. Все дружно рявкнули «Ура!» и моментально нарушив торжественный строй, кинулись поздравлять новоиспеченного

полковника. Бардак, никакой дисциплины. Мы с Михалычем под шумок улизнули обратно в Канцелярию, шепнув по пути Гюнтеру, чтобы привел туда Калымдая, как все немного успокоятся.

– Вот и всё, внучек, – покивал головой дед, ставя передо мной очередную кружку чая. – Вернётся Кощей-батюшка и прибудет тебя за самовольство. Но ты, Федь не переживай, поминки мы по тебе отгрохаем всем на зависть!

– Да ну тебя, дед, – я отхлебнул из кружки. – А пряников нет? Или хоть бубликов каких?

– Правильно, внучек, заедай горюшко-печаль раз от самогонки отказываешься.

– Ну, дед... Завязывай.

– Вредный ты у меня, Федька, – вздохнул Михалыч, ставя на стол тарелки с пирожками. – Ить и поворчать уже старому человеку не даешь.

– Да какой же ты человек, тем более – старый? – возразил я, а дед даже рот открыл от удивления. – Ты – Михалыч!

– Не поспорить, – захекал дед.

В Канцелярию зашел Калымдай, стал по стойке смирно и начал:

– Господин генерал! По вашему приказанию...

– Да ну тебя на фиг, Калымдай, – перебил я его. – Ты еще в ножки начни кланяться. Садись, давай – Михалыч пирожками угощает.

– В долг, внучек, всё – в долг, – хмыкнул дед, ставя и перед

полковником кружку.

Калымдай улыбнулся и сел напротив меня, тут же подтащив к себе пирожки с капустой:

– Благодарю, Федор Васильевич. Отслужу, оправдаю.

– А куда же ты денешься? – хихикнул я. – Только пирожки-то все не загребай.

– На войне, как на войне, – пожал плечами Калымдай и потянул к себе вторую тарелку.

– А ты, внучек не зевай – рот пошире открывай. О, складно-то как получилось. Надо написать красиво на большом листе да на кухне у Иван Палыча повесить, – заявил дед, но всё же пожалел несчастного Феденьку: – На от тебе с ливером.

– Калымдай, а сколько всего таких рот как твоя? – перешёл я к делу.

– Таких больше нет, – гордо расправил плечи он. – А всего диверсионных рот – три.

– Ого! Три роты таких архаровцев как твои запросто то же Лукошкино за час под себя подомнут!

– За полчаса, – поправил Калымдай. – Да и то минут на десять останутся квасу на базаре хлебнуть.

– Да кому оно нужно енто Лукошкино? – фыркнул дед.

– Да это я так, теоретически, – поправился я. – Вот что, полковник, заберёшь все три роты под своё командование. Заселим их пока тут во дворце. Вот только место для такой оравы подыскать придётся... – я сделал вид, что задумался.

– А что там думать, внучек? – подыграл мне дед. – Вона внизу места сколько, хоть десять таких рот заселить можно.

– А и правда, дед, – кивнул я. – Вот и отлично. Давай тогда, Калымдай и организуй там казармы недалеко от казино и прочих заведений.

– Эх, Федор Васильевич, – Калымдай укоризненно покачал головой и отложил надкусанный пирожок. – А сразу нельзя сказать, что собираетесь поприжать злачные места? Мы же с вами давно работаем, в каких только переделках не были...

Дед виновато вздохнул, да и мне стало неловко:

– Извини, Калымдай. Пост этот царский так и заставляет юлить да окольными путями к цели идти... Ну, что скажешь на моё предложение?

– Это приказ был, а не предложение, Ваше Величество, – хмыкнул Калымдай. – Надо – сделаем.

– Завязывай, Калымдай, – насупился я. – Я же извинился. Скажи лучше, как тебе моя идея?

– Три роты против этих рестораторов это вы что-то уж совсем противника переоцениваете, Федор Васильевич. Там и десятка моих ребят хватит.

– Достали они уже, – пожаловался я. – Надо с ними окончательно разобраться. Ну а потом, бойцов же всё равно где-то разместить надо? Только меня беспокоит, а не поддадутся ли соблазнам твои парни? Бары, казино под носом. Не пуస్తятся ли они во все тяжкие?

– Даже и не переживайте, Федор Васильевич, – фыркнул Калымдай. – В увольнительные будут к ним ходить, разумеется, но умеренно без излишеств. Уж я прослежу.

– Ну и отлично. Сколько тебе времени надо, чтобы перевести все три роты сюда?

– Часов пять, думаю. С помощью Аристофана, его подземными тропами переведём всех во дворец да начнем обживать на новом месте.

– Угу. Тогда отправляй своих бойцов сразу вниз, пусть осмотрятся, место себе подберут. А половину из них или сколько там понадобится, сразу же отправь с Аристофаном в качестве поддержки.

– Понял, Федор Васильевич. Сделаем.

Калымдай ушел, я тут же подгрёб к себе поближе тарелки, а дед хмыкнул:

– Ох и начнется сейчас там, внучек! Ух и завоюют вскоре владельцы-то казино.

– Вот и славно, – прочавкал я.

* * *

Вечером в Канцелярию заявился улыбающийся во всё свое свиное рыло Аристофан и грохнул на стол, звякнувший содержимым деревянный ящик:

– Это тебе босс, в натуре. Матвей типа просил передать. Дед достал из ящика пузатую бутылку из тёмного стекла,

повертел перед носом и облизнулся:

– Французский. Я такой только раз пил давно еще на приёме у герцога Орлеанского.

– И тебя реально пустили к герцогу, дедушка Михалыч? – восхищенно протянул Аристофан.

– Не, – отмахнулся дед, – енто у него в сейфе такая же бутылка стояла. Пока приём шёл, мне и удалось опробовать такого коньячку, как только сейф-то и открылси. Вку-у-ус-ный...

– Калымдая дождёмся и опробуем все вместе, – решил я. – Кстати, Аристофан, как там дела внизу?

– Без базара, босс, – закивал рожками Аристофан. – В натуре подмяли под себя всё.

– Давай рассказывай, не тяни.

– Да там реально и рассказывать-то нечего, босс. Пацаны Калымдаевы сразу порядок навели ну, типа вырезали недовольных...

– Ох, – перебил Михалыч. – Там хоть кто-нить живой осталси?

– Кто поумнее – все живы, – заржал бес. – Не, там, в натуре трупов двадцать-то и было. Среди охранников.

– Угу. А не охранников? – уточнил я, подозрительно разглядывая Аристофана.

– Да что я считал их, босс? – возмутился бес. – Оно мне надо? Почти всех хозяев казино и баров конкретно вырезали, вот и считай сам.

– И снова – «угу». Остались мы без увеселительных заведений теперь?

– Не понял, босс, – озадаченно почесал правый рог Аристофан. – Надо было всё прикрыть? А мы наоборот...

– Чего наоборот?

– Ну, типа своих поставили управлять.

– А ну, правильно. Я как раз это и имел в виду. Чтобы простоя в работе не было, народ не волновался, а денежка в казну капала.

– В натуре, босс, – кивнул бес. – Процесс реорганизации, устранение руководства и назначение нового шёл одновременно. Реально.

– Ух ты! – восхитился дед. – У Калымдая небось такие слова подслушал?

– Без базара, дедушка Михалыч, – Аристофан гордо выпятил грудь. – В натуре красиво звучит, да?

– И какова сейчас обстановка внизу? – вернул я беса к интересующей меня теме.

– Всё в порядке, босс. Там типа честные хозяева, которые под тобой, босс, предложили создать Гильдию рестораторов и работников увеселительных заведений, а мы их поддержали без базара. Матвей теперь – глава Гильдии, а я... – он скромно потупился, – Генеральный директор. Это типа – почётный командир, босс. В дела не влезаю, но прибить могу реально.

– То есть, сейчас все заведения работают уже?

– В натуре, босс.

– Недовольных захватом нет?

– Какой захват, босс? – удивился Аристофан. – Там реально, перед тем как горло перерезать очередному буржую, с него типа брали дарственную на всё его заведение. Всё по закону, мы же не бандюки какие, блин.

А еще чуть позже подошел и Калымдай. И Матвеев коньяк как раз очень кстати пришелся, пока мы обмывали новое звание. Потом еще пили за устранение проблемы внизу, за мир во всем мире, за Кощея-батьюшку, за женщин, а дальше не помню. Заснул.

Тёмные замыслы и их последующее воплощение, или Гений тайных операций

В Канцелярии сегодня было шумно и весело – к нам в гости пожаловали Маша и Олёна. На самом деле – они наши постоянные сотрудники, но всё время ошиваются в Лукошкино у своих кавалеров и видим мы их сейчас очень редко. Да ладно, пусть развлекаются, пока возможность есть. Вернётся Кощей, уже так не оторвутся.

Вот кстати о Кошее я и хотел поговорить со всей Канцелярией. Как раз удобный случай – все здесь и сейчас.

Только, как и обещал ранее, расскажу вам коротко про нашу Машу. Она у нас – вампир. Ничего особенного, скажете вы? И ошибётесь. Маша у нас вместо крови уплетает морковку да запивает её киселем, одновременно радостно жуя стащенные у меня из-под носа пирожки. Но никакого ливера или мяса в пирожках! Она у нас – вегетарианка. Да-да, вот такой забавный казус приключился, когда Кощей-батюшка во время очередного приступа научного энтузиазма, решил поэкспериментировать над ней. Получилось, как обычно не то, что он задумывал, но вполне забавно. Теперь наша вампириша не рассекает лунными ночами в поисках свеженькой кровушки, а чаще – сидит на моём диванчике с рыцарским

романом, обложившись пряниками для более вкусного поглощения книги и бесенятами – для утепления и уюта. И снова кстати: Маша у нас вовсе и не Маша. Это я её так обозвал при нашей первой встрече, да так и прижилось. Маша родом из Сербии и имя у неё очень красивое – Мирослава. Ну, правда же, красивое? Вот. А она сама требует называть её на французский лад – Марселиной. Вот и стала Машей из вредности.

А вообще, она у нас хорошая. Кровь не пьёт, в вампирских сборищах не участвует. Пребывает постоянно в сентиментально-романтическом настроении – от романов и немецкого посла, за уши не оттянуть. Капризная, да, ну и вредная временами, но мы с этим уже смирились. Ходит она (и летает) в своём любимом кожаном костюме – тёмные жилетка да брюки. Прибавьте к этому иссиня-черные волосы и суровый макияж начинающего гота и всё это при хорошей фигурке и милом личике – и вот вам наша Маша во всей своей вегетарианско-вампиурской красе. Ну и для полноты описания стоит добавить выдвигаемые по необходимости клыки, когти как у пантеры, и крылья, плюс – чисто вампирская сила, сравнимая с десятком Иванов Поддубных.

Сейчас Маша не кушала и не читала, а радостно визжа, отбивалась от Калымдая с Аристофаном, кинувшихся обнимать её. Олёна стояла в сторонке, опасно поглядывая на наших силовиков, понимая, что следующая на растерзание – она.

Михалыч тут же погнал бесенят к Иван Палычу за угощениями, а сам засуетился, накрывая на стол. Ну а как же – внушеньки-то с голодного края вернулись. Кто же их сиротинок в Лукошкино этом покормит? А если и покормит, то такой гадостью небось, которой у нас тут последнего монстра кормить не будут.

Пока шамахан с бесом тискали Олёну, правда, уже в щадящем режиме, вернулись Тишка да Гришка, притащив две корзины снеди с кухни и через пару минут стол наш магнитом притянул всех к себе, заставил рассесться на лавки, похватать ложки и взвизгивать, постанывать и похрюкивать – кто, что умел – от нетерпения. Я был вынужден отложить свои дела минимум на час. И это не потому, что сам был занят пищей – сколько мне там надо? А потому, что эти жадные хищники накинулись на еду и стали поглощать её с завидным аппетитом, не имея никаких сил оторваться от неё. Мне едва удалось утянуть половину запеченного гуся, кусок осетра, маленькую миску с холодцом, бутерброд с ветчиной, тарелку вареников с творогом и всего полтарелки с вишней. Спасибо, дед сразу сгущенку поближе ко мне поставил – хоть блинами подзакусил маленько.

После праздничного обеда начинать разговор о делах было бесполезно. Растянувшись с сигарой на диване, я с откровенным неодобрением смотрел на своих сотрудников, размлевших за столом от их непрекращающегося обжорства. Хоть снимай их с довольствия! Да толку с этого не будет ни-

какого, я знаю, уж поверьте. Одни бездельники вокруг.

Наконец мне удалось подняться и, заняв своё командное место за столом около самовара, я демонстративно откашлялся, привлекая внимание и начал:

– Господа мои Канцелярия! Да-да, и дамы конечно, Машуль... Что вы там с Олёной всё шепчетесь? Неужели в городе, да в дороге не успели наболтаться?.. Куда пошёл?! А-а... Целый час уже прошёл, как вы не общались? Ну, тогда, конечно... И всё же, позвольте вернуться к важному... Что, Аристофан?.. Пивка для стимулирования нейронов в голове? Михалыч, дай ему для стимулирования шваброй... Спасибо. Итак... Что, Маш? Дизель громко жужжит? А почему он, кстати, не за столом? Его это тоже касается... Ди-изель! Выключай генератор и иди к нам!.. Что, Михалыч? Мультики для бесенят? Перебьются. Пусть лучше идут коридор мыть – я там утром окурок видел. Бардак развели... Что ещё, Михалыч? Маленькие они? Тогда сдай их в детский сад, пока не вырастут! Мне дадут сегодня к делу перейти?! Что, Маш? Да, детский сад, это место, где к веткам деревьев проказливых детей за ноги привязывают вместо груш и яблок и так они и висят, пока не исправятся... Спасибо, Дизель, я тоже думаю, что смешно, только не надо от восторга так громко челюстью клацать... Всё? Можно уже к делу переходить?

У нас всегда так. Если прирезать кого надо, то сделают быстро и эффективно, а часто и эффектно. А если началь-

ника, можно сказать – отца родного выслушать, то никаких моих и так истрёпанных нервов на них не хватит.

Полчаса ругани, плавно переходящей в милую истерику, полстакана коньяка от нервов, поглаживания по голове для утешения, клятвенные заверения, что больше не будут, и я был готов вновь начать совещание. Окончательно успокоившись, я начал во второй раз:

– Гады!!! Я вам тут такое сообщить хотел! А вы?! Паразиты! Вот, чесслово – вредители! Сейчас же всех отправлю на мытьё общественных туалетов! А бухгалтерию предупрежу, чтобы с вас не только премиальные сняли, но еще и зарплату за полгода на мой счет перечисляли!

– Всё-всё, внучек, – заволновался Михалыч. – Мы слушаем, не ори ты так. Денежку только не трогай...

– Уф-ф-ф... Сталина на вас нет... Ладно, слушайте. В двух словах: я знаю как нам можно...

– Это не два слова, босс, – справедливо перебил меня Аристофан и не менее справедливо опять получил шваброй от деда.

– ... хоть прямо сейчас освободить Кощея, – закончил я и торжествующим взглядом обвёл сотрудинок.

Сотрудинок переглянулись и пожали плечами.

– У меня и роты еще не слажены для совместной работы, – задумчиво сказал Калымдай, рассматривая что-то на потолке.

– А оно нам надо, внучек? – хмыкнул дед. – Али царство-

вать надоело самому?

– Он опять та-а-ак орать будет... – Маша приложила пальчики к вискам и покачала головой.

– И в Лукошкино уже не сможем ездить... – протянула Олёна.

– И бизнес реально в подполье уводить придётся, – озабочился Аристофан.

– Клац-клац! – согласился с ними Дизель.

– Да вы что?! – заорал я и осёкся, увидев ехидные улыбки, дружно появившиеся на наглых физиономиях коллег. – Паразиты вы всё же...

– Давай, внучек, рассказывай, что ты там придумал, – серьёзно сказал дед и подвинул мне кружку с чаем.

– Вот же... Ладно, слушайте. У нас же Шмат-разум есть и мы можем в сию секунду отправиться прямо в камеру к Кощею и удрать оттуда таким же макарон, прихватив царя-батюшку с собой. Что думаете?

– А кто это такой, этот ваш Макара, мсье Теодор? – удивилась Маша.

Олёна хихикнула и зашептала ей что-то на ухо.

Все помолчали, переваривая гениальную идею, а потом Михалыч нерешительно протянул:

– Можно, да... Только как-то всё больно просто у тебя внучек получается.

– Не выйдет, – спокойно произнёс Калымдай.

– Что не так?

– А вот сами смотрите, Федор Васильевич. Едва мы ба-
тюшку к нам перетащим, как слух о его освобождении тут
же по всем краям разлетится. А фон Дракхен, разумеется,
услышав об этом, тут же кинется в атаку. Тут-то нам всем
и... всё.

– Ага! – я радостно закивал. – Вот и я так же думал, пото-
му раньше и не дёргался! А мы Кощея подменим! Повесим в
его одежде на цепи какого-нибудь скелета ответственного. В
камере наверняка темно, Кощея никто, само собой, не кор-
мит, не поит. Будет наш героический скелет висеть там спо-
койненько, да изредка цепями гремять.

Дизель вскочил и похлопал себя ладонью по груди, умо-
ляюще смотря на меня. Да-да, у Дизеля мимика отличная,
хотя он одни только косточки для этого использует.

– Не, дружище, садись, – махнул я. – Мы без тебя здесь
не справимся, а вот подыскать нужную кандидатуру это мы
точно тебе поручим.

– А что, босс, в натуре дельно звучит, – протянул Аристо-
фан. – Типа и Кощей тут, и на нарах кто-то парится, и фон
Змей не при делах.

– Весь в меня! – гордо произнёс дед и подвинул мне та-
релку с поощрительными пирожками.

– Может сработать, – согласился Калымдай.

– Только он всё равно та-а-ак орать будет, – вздохнула Ма-
ша.

– Давайте еще подумаем, – попросил я. – С первого взгля-

да вроде бы и неплохо, а вдруг я что-то недосмотрел?

– Фига думать, босс? Ништяк план, поехали к Кощею! – подскочил бес.

– Ага, – фыркнул дед, – сейчас все и отправимся. Еще и оркестр для параду возьмём.

– Как-то всё очень просто, – вздохнула Олёна. – Раз – и там. Раз – и уже тут вместе с царём-батюшкой. Неинтересно.

– Ага, Олён, давай тогда войска к тюрьме подгоним, штурмом её возьмём, стены в пыль разметаем, охрану вырежем, а как Кощея освободим, так сразу без передышки на Лукошкино повернём – Гороха воевать.

– Красиво, босс, – расплылся в улыбке Аристофан. – Классный план. Ну, я пошёл пацанов звать?

Все вздохнули, а бес удивлённо заозирался:

– А чё, в натуре? Чисто поприкалываемся. И босс еще типа про стены хорошо так сказал...

Дед подсунил бесу тарелку с ветчиной и Аристофан тут же позабыл о своих кровожадных планах.

– Думаю, Федор Васильевич, – рассудительно заметил Калымдай, – надо сначала разведку провести малыми силами. Один-два человека предстанут пред батюшкой, осмотрятся, а там уже и видно будет.

– Верно, полковник, – согласился я. – Так же думаю. Вот я сейчас быстренько и сметаюсь туда-сюда, а потом уже всё и обсудим пока все здесь.

– Я с тобой, внучек! – категорически заявил дед.

– Вам бы не стоило, Федор Васильевич, – укоризненно покачал головой Калымдай.

– Ничего, – отмахнулся я. – Если что я быстро смоюсь, да и защитный медальон у меня всегда с собой и колечко, вон атакующее на пальце. Всё нормально будет.

– А и пошли тогда, внучек! – подскочил Михалыч. – Чаво время тянуть как кота за хвост?

– Погоди, деда, а гостинцы царю-батюшке?

– Ась?

– Ну дед... А как же классические три ведра воды для поднятия тонуса? Да и пожевать чего вкусенького – он же там уже почти четыре месяца торчит.

Михалыч хлопнул себя ладонью по лбу и засуетился:

– Аристофан, ну-ка рысью на кухню! Попроси Иван Палыча пусть подыщут флягу какую ведра на три али ещё что для переноски удобное. Да быстро! Смотри в кабак куда не заверни, слышь?

– Ну, ты чё, Михалыч, – обиделся бес. – Да я в натуре, чё без понятий? Без базара ща сметаюсь.

Пока Аристофан бегал на кухню, дед положил в корзинку целый копченый окорок, порезал сала, кинул краюху хлеба, пару яблок, насыпал пряников, а сверху водрузил бутылку коньяка.

– А мне окорок зажал, – проворчал я. – Ну где там Аристофана носит?

– В натуре, босс, – пропыхтел бочонок с водой, а вслед за

ним в кабинет протиснулся и бес. – Иван Палыч в водичку мёду добавили и пять бутылок красного вина вылили, – бес сглотнул. – Ништяк наверное вино – пахло классно.

– Ну, мы пошли тогда, – я достал из кармана маленькую коробочку. – Шмат-разум, а перенеси-ка меня, Михалыча с корзинкой и вот этот бочонок прямо в темницу к Кощею!

Лёгкая вспышка и... темнота.

– Ни фигу не видно, деда...

– Так ты колечко своё запусти.

– Что, Федька, – вдруг со стороны послышался тихий хриплый шёпот, – одолел-таки Лиховида, а?

– Ваше Величество? – я поспешно крутанул камень на перстне и камеру залил тусклый свет.

– Моё-моё, – подтвердил царь-батюшка, гроыхнув цепями.

Выглядел Кощей мягко говоря – не важно. Распятый на стене, перепутанный цепями, худющий, почерневший и весь в пыли и паутине смотрелся он жутковато, но, тем не менее, был бодр и вполне даже в рассудке:

– Здорово, Михалыч. Попить принёс?

– А как же, батюшка! – засуетился дед, выуживая из безразмерного кошеля ковшик. – На-ка от отпей... Да не спеши ты, ишь носом в воду урылси... Три ведра принесли, небось хватит.

– Ваше Величество, – я шагнул к Кощею, – вы как?

Тот только фыркнул прямо в седьмой ковшик.

– Ясно, пардон. А про Лиховида вы откуда знаете?

– От ты Федька у меня, – Кощей оторвался от воды, – то умный, а то как ляпнешь что, будто из-под хвоста коровы да на землю.

– Да ну вас, Ваше Величество... А всё же?

– У батюшки, где бы он ни был, завсегда мозговое единение со дворцом, – пояснил дед. – Отстань, внучек с распросами покуда, дай человеку попить спокойно.

– Какой я тебе человек, Михалыч? – снова фыркнул Кощей. – А в корзинке что?

– А мы за вами пришли, – выпалил я. – Сейчас за скелетом назад смотаемся, вместо вас пусть висит, а вы через пять минут уже во дворце будете. Я сейчас Гюнтеру прикажу ванную вам набрать.

– Сам придумал? – недоверчиво хмыкнул царь-батюшка.

– Сам-сам, – вмешался дед. – Ить и славного же ты себе работничка воспитал, батюшка. Героического ума у нас Федька! Весь в меня.

– Ну что есть, то есть, – я скромно шаркнул кроссовком по пыльному каменному полу. – Так что собирайтесь Ваше Величество пока я за скелетом смотаюсь.

– Остынь, Статс-секретарь, – проскрипел Кощей. – Нельзя мне просто так во дворце показываться.

– Так никто же не узнает!

– Узнают. Только я во дворце окажусь, как сразу все, кому надо и кому не надо, меня там почувствуют.

– Блин, – я разочарованно вздохнул. – А такая идея хорошая была...

– Идея хорошая, – кивнул Кощей, прикладываясь к бутылке коньяка, заботливо поднесенной к его губам Михалычем, – только... уффф... А откуда такой коньяк у вас?.. А, ладно, потом разберусь... Только не до конца продумана идея твоя, Федор Васильевич.

– Так я же не знал, – развёл я руками.

– Зато я знаю.

– И что теперь? Так и будете висеть тут, пока не созреете на битву с фон Дракхеном?

– А тебе бы этого и хотелось? – прищурился Кощей. – Понравилось, небось, царствовать, а Федька?

– Да ну его на фиг, это царствование, – честно ответил я. – Мне кроме моей Канцелярии, ничего больше не надо.

– Моей.

– А?

– Моей, говорю, Канцелярии, – ворчливо пояснил царь-батюшка.

– А, ну да, ну да. Вашей, конечно... И всё же, Ваше Величество, вот хоть сгущенки мне не давайте больше, а не верю я, что у вас никаких уловок на этот счёт не заготовлено.

– Молодец, Фёдор, – хмыкнул Кощей. – Не зря я тебя к себе взял. Есть одна идея, да только весь расчет у меня на Лиховида был, а ты его и того... Устранил.

– А что еще оставалось, Ваше Величество? – пожал я пле-

чами. – А что за расчет?

– Отсидеться во дворце, да только не открыто, а в защищенных палатах. В библиотеке, например, да хоть в галерее. Там, где не шастает никто.

– А защита?..

– Колдунская, – кивнул Кощей. – Теперь и не знаю, кто такое сделать может...

– Батюшка, – влез Михалыч, – так Лиховид-то не помер, паскудник, а в заточении у нас. Нешто его заставить нельзя?

– Не знаю, Михалыч, – вздохнул Кощей. – Кабы я его за гузку потряс, то и был бы толк. Но нельзя мне во дворец. А его сюда нельзя – без шума не обойдётся, тут-то охрана и набежит.

– Ну, мы попробуем, Ваше Величество, – предложил я. – А он в курсе, как и что?

– Обговаривали с ним, – кивнул Кощей. – Еще весной.

– Тогда ждите, Ваше Величество, мы постараемся побыстрее. Не надо ли вам чего пока мы Лиховида обрабатывать будем?

– Скоморохов для души, да десяток принцесс покрасивше – для тела, – фыркнул Кощей.

Организационно-технические мероприятия, обеспечивающие проведение праздника, или Тяжело быть царём

Я задумчиво сидел за компом, а бесенята, устроившись на спинке кресла за моей головой, сочувствующе вздыхали и разглядывали строки на мониторе. Нет, это они не мне сочувствовали – друг другу. Как же, согнали маленьких, мультики выключили, да ещё и любимое кресло заняли. А вот такая жизнь. Пускай с детства приучаются к несовершенству мира.

Зря я указ о праздновании Нового года издал. Надо было все праздники в один указ загнать. Ладно, сейчас исправим. «Приказываю»... Нет. Ага, вот: «Постановляю». Угу.

«Назначить 23 февраля Днём защитника Кощея.

Дамы поздравляют кавалеров, дарят символические подарки, наливают, ухаживают, не ругаются весь день. Офицерам и прочим военнослужащим – 100 грамм за счет казны.

Назначить 8 марта Международным женским днём».

Тут и выдумывать ничего не надо: женский день, он и есть женский день. В любом случае, как ни назови – мужикам страдать.

«Кавалеры поздравляют дам, дарят символические подарки, цветы, наливают, ухаживают, не ругаются матом и подаются в постель завтрак».

Нет, не надо в постель. Не поймут. Я удалил строку и написал:

«...и готовят завтрак». Ага, пойдёт. Что там у нас дальше? Первомай.

«Назначить 1 мая – Днём работников Кощея.

Все празднуют, выпивают, поют песни, ходят друг к другу в гости. По желанию выносят плакаты и флаги и ходят с песнями вокруг Лысой горы. Администрация поздравляет работников традиционной ежегодной речью. Рекомендуемые лозунги для транспарантов: «Народ и Кощей едины!», «Наша цель – кощеизм!», «Заветам Кощея верны!», «Пролетарии всех стран...».

Нет, пролетариев не надо, пожалуй.

Убьёт меня Кощей, точно убьёт. А вот надо во дворце править, а не по тюрягам отсиживаться! Сам виноват.

«Назначить 12 июня...»

Хм-м-м... Ну, не независимость же, правда? Надо что-нибудь патриотическое. Ага.

«Назначить 12 июня днём Кощея.

Все радуются, хвалят царя-батюшку, выпивают за его здоровье и процветание государства. Расходы на алкоголь на 50% оплачивает бухгалтерия».

Точно убьёт. Да и ладно, зато погуляем. Что там дальше?

7 ноября. Или 4 ноября. Пусть будет 1 ноября.

«Назначить 1 ноября Днём единства». Бред какой-то. Ну, хоть не социалистической революции. Удаляем.

«Назначить 1 ноября Днём светлого, но тёмного будущего». Ой, да пойдёт.

«Все пьют, гуляют, восхваляют царя-батюшку, ждут скорого приятного будущего. Рекомендуемые напитки: светлое и тёмное пиво».

Ну и хватит. Профессиональные праздники установлю потом, в рабочем порядке. В шаблон, на печать, готово.

– Ну, паразиты, – повернул я голову к Тишке. Или Гришке. – Включать мультики или пойдём стены в коридоре штукатурить?

Риторический вопрос, понятное дело. Включил, конечно, и в спину тут же забарабанили маленькие лапки мол, вали с нашего кресла, Твоё Величество, не мешай.

– Ваше Величество, – заявился Гюнтер. – Прикажете представить пред очи ваши светлые праздничный комитет?

– Подобрал кандидатуры? Ну, давай посмотрим, с кем работать придётся.

– А батюшка царь! – в кабинет влетела Елька. – А вот она и я! А я как услышала, что вы тут праздновать собрались, так сразу и думаю: нет-нет, не осилит царь-батюшка сам такое! А ручки-ножки от забот отвалятся, головушка разболится, а мне потом от барыни кнутов на конюшне получать? А не согласная я! А вот и примчалась аки ласточка быстрокрылая,

на помощь тебе!

– Заходи, ласточка, – проворчал я. – Присаживайся, пернатая ты наша. Только замолчи, хоть на минутку.

– А от чего ж не замолчать-то, батюшка? А и запросто замолчу! Ты сказал – я сделала. А я же у тебя послушная работница, не чета там некоторым. А ты только намекни, да даже просто глазиком своим ясным моргни, а я уж расстараясь, я уж...

– Цыц!

Сведет она меня в могилу своей болтовнёй. Елька, точнее – Еля Малаховна, у нас появилась недавно и месяца еще не прошло, но достать успела всех. Мне её главбух наша, Агриппина Падловна подсунула. Расстаралась тётушка, а мне теперь страдать от племянницы. Ну, на самом деле я больше ворчу. Елька хоть и студентка еще, но девчонка вполне грамотная. Она вместе со своим дядькой Сидором к моей Варе в услужение поступила на роль управляющей хозяйством, заодно и производственную практику пройдёт. Кстати, Елька – кикимора по происхождению, как и наша главбух, а вот Сидор – тот простой оборотень. Хороший мужик, мощный такой и справедливый. И чтобы путаницы не было: главбух – тётка по матушке, а Сидор – дядька по батюшке.

Варя, кстати, говорила, что Елька в её поместье сразу шороху навела. Мол, надои озимых уже на склады отправили, урожаи все вскопаны и засеяны, на подковы новые драйверы поставлены. Или что-то такое. Я в этих агрономических

ужасах совсем не разбираюсь.

– А как же ты, Ель, хозяйство бросила? Дядька один там справится? Стоп! Не отвечай. А то опять голова от твоей болтовни разболится... Гюнтер? Ну, кто там еще в комитете? Чего не заходят?

Второго члена комитета я хорошо знал. Пожилой бес Виторамус, крайне интеллигентной внешности и содержания, работал у нас завскладом. Это звучит так банально – завскладом, а на самом деле у нас тут внизу перед увеселительными заведениями на весь этаж целое хранилище, которому аналогичное № 13 и в подмётки не годится. У Виторамуса там идеальный порядок – он даже мне магические артефакты и то под расписку выдаёт. Уважаю.

– Салют, Виторамус! – поприветствовал его я. – Как жизнь? Крысы на складе артефакты не погрызли?

– Здравствуйте, Ваше Величество, – пожилой бес снял с носа пенсне и стал протирать его белоснежным платочком. – С крысами, действительно есть проблема – почти всех вывели теперь тестировать вверенные мне на хранение вещи не на ком, – он покосился на Тишку с Гришкой и задумчиво протянул: – Разве что...

– Рога пообломаю, – дед многозначительно покачал скородкой.

– Юмор, дедушка Михалыч, – улыбнулся бес.

– Я от тебе хвост с пяточком местами поменяю, тады и посмеёмси.

– Всё, хватит, – прикрикнул я на старичков. – Ну, кто там у нас третьим будет? Наливайте!

Шутку не поняли, не доросли еще, а в кабинет шагнул Аристофан:

– Сбегать за самогоном, босс?

– Не сейчас. У тебя что-то срочное? Если нет – подожди немного, на тебе сигару, покури, пока я с комитетом познакомлюсь.

– Без базара, босс, – он взял сигару и отгрыз у неё кончик. – Только ты реально со мной и так знаком.

– Гюнтер? – я повернулся к дворецкому.

– Очень они просили, Ваше Величество, – Гюнтер потёр опухшее ухо. – Отличный кандидат. Деятельный, с фантазией, весьма подойдёт для ваших целей. В натуре.

– Ну-у... Ладно, давайте попробуем. Прошу садиться, комитет. Цель у нас одна: торжественно и весело отпраздновать Новый год. Я знаю, что для вас это новый праздник, но ничего сложного нет. Основные понятия, требования и традиции я расскажу, а дальше – сами придумаем. Ну, там игры всякие, конкурсы...

– На деньги, босс? – оживился Аристофан.

– На раздевание, – фыркнула Елька и пояснила: – Игры, тупорогий – енто всякие гульбища как на Купалу, когда через костёр маленько попрыгают, а потом мужики баб по кустам растаскивают и до самого утра их там и...

– Нет, – поспешно перебил я. – Не настолько радикаль-

но. Ладно, игры придумаем, а конкурсы – это такие задания, ну вроде кто быстрее что-нибудь сделать сможет, например. На ловкость, сообразительность. И небольшой приз победителю.

– Понял, босс, – солидно кивнул Аристофан. – Это типа, кто быстрее избу поджечь сможет или там, кто больше стрелцов за час завалит. Без базара, босс, пацанам понравится.

– Не совсем, но суть ты ухватил, – кивнул я, а бес горделиво приосанился. – Елька, я слышал как ты поёшь, молодец, хорошо получается. Поэтому вот, слушай внимательно.

Я вытащил из кармана смартфон и врубил заранее подготовленную песню. Елька дослушала до конца, кивнула и совершенно не фальшивя, напела: «В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла...»

– Поняла, батюшка, только мало в ейной песне жалостливости. А давай, батюшка я переделаю маленько. А пущай ёлочку спилят так же, только на ней распнут, а лучше – в зад ту ёлочку воткнут ухажёру подлому, который красну девицу соблазнил, а потом от неё к богатой купчихе убёг. А девка та в отместку купчихин двор подпалила, а от него и весь город запылахал и остались опосля пожара только дитятки малые, да и тех звери лютые к вечеру и сожрали, мясом сиротским потешились, а косточки малые по всему белу светушку разметали.

– Креативно, – передёрнул плечами я.

Дед с тревогой побежал проверять, как там бесенята, скрытые от его глаза спинкой кресла. Виторамус загрустил и снова стал полировать пенсне, а Аристофан поднялся:

– Схожу за самогоном, босс. Помянём детишек в натуре...

– Не надо, – откашлялся я. – И самогон не надо и песню переделывать. На, Елька, – я протянул ей листок с распечатанным текстом, – размножите сами вручную, а то мне картридж экономить надо. Раздашь всем во дворце, пусть выучат, да постараются не фальшивить. Сроку тебе – неделя. Остановлю кого в коридоре, а спеть не смогут – не обижайся тогда.

– Отдашь бесам на поругание, батюшка? – восторженно распахнула глаза Елька. – Али самому наказать захочетси?

– Агриппине Падловне нажалуюсь.

– Всё-всё батюшка! – подскочила молодая кикимора. – Всё сделаю, не сумлевайся даже!

– Так, дальше. Ёлки две будет – на горе и в тронном зале. Ёлки украсить надо. Игрушек небольших понаделать, шариков разноцветных, ленточек, ваты набросать, будто снег, ну и всё такое. Я схожу в бухгалтерию, попрошу денег нам подкинуть на расходы.

– У Агриппины Падловны, босс?! – ахнул Аристофан. – Денег просить? Ты в натуре герой у нас.

– Ну и герой, почему бы и нет? – хмыкнул я. Есть у меня методы на нашу бухгалтерию, давно уже отработаны. – Теперь по самим празднованиям. Массовые гуляния устро-

им в ночь на Новый год ну и на следующий день, а надо нам еще праздник организовать для детей сотрудников. Виторабус, ты со всяким там учётом хорошо справляешься, поэтому проведешь перепись всех наших детишек. Постарайся быстро сделать – надо будет им небольшие подарки организовать, сладкие. А еще с Дедом Морозом и Снегурочкой вопрос решить надо.

– Ну его на фиг, босс, – запротестовал тут же Аристофан. – Он с таким здоровенным колом ходит, что разок, блин, по спине огреет, и будешь в натуре горбатым до лета ходить. Да и внучка его худющая реально, посмотреть не на что. Давай лучше стриптизных девок снизу позовём? Если десяток сразу заказать, то ништяковые скидки будут.

– Нет, Дед Мороз нужен, – категорически заявил я. – Это как без ёлочки – совсем не то будет. Ладно, это я тоже на себя беру. А стриптиз – это вы уж в частном порядке для себя организовывайте, я не против только денег на это не дам.

Бес вздохнул, а я продолжил совещание.

Провозились мы часа два не меньше. Вроде бы, кажется, ну что там сложного новогодний праздник организовать, да? Всё всем давно знакомо, всё понятно. Но это – нам с вами, а вот моим сотрудникам приходилось объяснять подробно да не по одному разу. Когда все расходились, я остановил нашего кладовщика:

– Виторабус, а подготовь-ка мне тот браслетик, ну с которым я перед Ордой выступал. Мне ненадолго, вечером вер-

ну.

– Под расписку, – напомнил аккуратный бес. – Сейчас принесу, Ваше Величество.

– Вот же нашёл ты себе забот, внучек, – покачал головой дед, когда мы остались одни. – И сдался тебе ентот Новый год?

– Душа праздника хочет, деда. А то у нас всё проблемы да хлопоты, а тут отдохнём, погуляем, – я подмигнул, – коньячку попьём.

– Да енто ты только свистни, вона ящик в углу пылитси.

– Это не то. Вот увидишь, деда, классно будет. Всем дворцом оторвёмся.

– Как бы Кощей-батюшка тебе что-нить не оторвал за такие гулянки.

Я только отмахнулся.

* * *

Через полчаса, мы с Михалычем поднимались по винтовой лестнице, спрятанной в библиотеке прямо сквозь гранитную плиту, служившую дворцу потолком. Дед, повозившись с люком, откинул крышку и тут же ветер ласково залепил по пригоршне снега в наши самоотверженные лица.

– Холодина-то, деда! Бр-р-р!

– А то! Ить декабрь на дворе. От только я одно не могу понять, внучек, – с натугой произнес дед, захлопывая крыш-

ку, – как же ты енто в такой лютый мороз сюда придворных вытащишь вокруг ёлки отплясывать?

– Так я потому две ёлки-то и ставлю, деда. Наверху – для экстремалов и особо пьяных героев. Надо, кстати, спасательные команды организовать – пометь себе, пусть спящих из сугробов вытаскивают и вниз гонят... Ну, что, начинаю?

– Начинай-начинай, – проворчал Михалыч, – только зазря ты всё затеял, не получится ничего у тебя с отмороженным ентом.

Я отодвинул рукав полушубка и взялся за браслет. Хорошая штучка, колдовская. Пару недель назад я тут перед шамаханской Ордой представление устраивал, так мне этот браслет очень помог. Он по желанию владельца визуальные и аудио-эффекты выдает. Вот и сейчас, дважды нажав на выступающий на браслете узор, я вырос метров так на пятьдесят не меньше. Красота, конечно, если со стороны смотреть, а вот самому не очень, уж поверьте. Я смотрел на мир одновременно сверху и снизу, и представляете, какие глюки ловил от этого двойного зрения мой, пусть и гениальный, но всё же многострадальный мозг? Жуть просто. Я поёжился и нажал на узор с другой стороны. Это – усиление звука. Всё, можно и я заорал во всю глотку:

– ДЕДУШКА МОРО-О-О-ОЗ!!!

Чуть сам не оглох, а в лесу с деревьев возмущенно вспорхнули стаи ворон. Ничего, потерпят ради праздника. Я посмотрел на Михалыча. Сверху он выглядел маленьким тем-

ным пятнышком, а вот рядом со мной – обычным, только сейчас – очень недовольным старичком, ковыряющем пальцем в ухе и тихо матерящимся.

– Деда, – громогласно на всю округу прошептал я, – а как ты думаешь, сколько раз еще звать надо будет?

– Выруби ты енту заразу, Федька, – жалобно попросил Михалыч. – Хоть один раз ори, хоть сто – всё едино.

– А, ну ладно, – радостно проорал я на весь лес и выключил браслет, спускаясь с небес на землю. – Уф-ф-ф... Бедные мои глазки... А сколько теперь ждать? А он услышал меня? Придёт?

– Услышал-услышал, – раздался густой бас сбоку.

Я подпрыгнул от неожиданности и уже в прыжке развернулся на звук с радостно замирающим сердцем:

– Дедушка Мороз?! Ура! Вот я знал, знал, что вы существуете! Ух, класс!

– Ну чего разорался-то, – недовольно протянул знаменитый Дед и повернулся к моему, надо сказать, тоже знаменитому деду. – Здорово, Михалыч.

– Здорово, Иваныч, – кивнул мой дед. – Дело у нас к тебе, по специальности, так сказать.

– Всегда дела, – вздохнул Дед Мороз и поправил концом посоха, меховую шапку. – Хоть бы кто просто на чай пригласил.

– Да это мы с радостью, дедушка! – снова заорал я. – Пойдемте к нам вниз и чаю попьем, а я вас еще и сгущенкой уго-

шу!

– Вниз к Кощею? – удивился Дед, а потом повернулся к Михалычу: – Он у тебя всегда такой дурной или на дворе мозги смёрзлись?

– Вы чего? – обиделся я. – Я же просто чаю вам предложил...

– Сам пей, – отрезал Дед. – Мне от Кощея ничего не надо.

– Да при чем тут Кощей? Мороз Иваныч, я вас попросить хотел, не для себя даже. Придите к нам на утренник, а? Ненадолго так, чисто символически.

– И впрямь дурачок, – кивнул Михалычу Дед. – Чтобы я в Кощеев дворец пришел на праздник?!

– Да я же для детей стараюсь! Не к придворным же зову. Ну, сами прикиньте – куча детишек, праздник, ёлка, а Деда Мороза нет. Ну ладно вы с Кошеем не в ладах, но дети-то тут при чем?

– Да ладно, внучек, – дернул меня за рукав Михалыч, – пошли отседова. Ентот моралист старый, ни за что супротив своих принципов не пойдёт. Великий он, понимаешь? Величие ему глаза и застило пеленой. Кошенёнок малый у него на пороге от голода помирать будет, так он и пальцем не шевельнет даже. А почему? А потому что – не по правилам. Это кабы зайчик али белочка в лесу от мороза гибли, тут он поможет, ничего не сказать. А животинку малую выручить, али детишкам праздник устроить – шиш. Низзя. Пошли, внучек, пошли, зачем нам такие кудесники хреновы?

– Ну, ты чего, Михалыч? – обиделся Мороз.

– А, ничего. Иди-иди себе по своим делам. Вона Лукошкинской мелюзге подарки отнеси. Они же правильные, не то, что наша ребятня. Вот так от, внучек, детишки-то тоже оказывается разные прямо с рождения бывают. А я старый дурак, считал, что дети, они и в Африках – дети.

– Ладно тебе, Михалыч, – вздохнул Дед и повернулся ко мне: – Ты меня тоже пойми, Федор Васильевич – ну никак мне нельзя в Кошечевы владения. Узнает кто, не дай боги... Я же на стороне света, а тут у вас сплошное зло.

– Дети – зло?! – поразился я.

– Да, тьфу на тебя, Федька! – насупился Мороз. – Я тебе про Фому, а ты мне про Ерёму. Думаешь, мне детишек не жаль? Ещё как жаль! Люблю я ребятешек-то, подарками на праздник не обижаю, на улице снежку подкидываю, чтобы им играть веселее было... Просто – нельзя мне. Уж не сердчай. И ты, Михалыч не обижайся, войди в положение.

– Ну-у... Ладно, – вздохнул я. – Понимаю. У каждого – свои трудности. Жаль, конечно... Дедушка Мороз, а может хоть Снегурочка к нам придёт?

– Одна?! – поразился он. – К твоим бесам?! Да ни за что! Бесполезно. Я развел руками:

– Ладно, извините, что побеспокоили, Мороз Иваныч. Пойдём мы тогда. С наступающим вас!

– Хорошего Нового года, – пробасил он и вдруг спохватился: – А ну-ка стой, Федька! А ну-ка подь сюда.

Я удивленно пожал плечами и шагнул к нему, а он сбросил с плеча красный мешок и стал копать в нём, приговаривая:

– А хорошо ли ты вёл себя в этом году, Феденька?..

– Ура! – перебил я его. – Подарки!

Вот, верил я, верил в Деда Мороза с самого детства и прав оказался!

Крепко прижимая к груди объемистый мешочек, я растроганно смотрел вслед исчезающему в белой метели Деду Морозу.

– Должок за тобой, Иваныч, – крикнул ему вслед мой дед, а зимний Дед не оглядываясь, кивнул.

– Ну и ладно, деда, – я погладил подарок. – Мы и сами как-нибудь обойдемся. Пошли?

А люк-то на Лысую гору, оказывается, только изнутри открывался. Не буду вам рассказывать, как мы полчаса плясали вокруг него, пытаясь поддеть топором, выуженным из безразмерного кошелья деда. Как скатывались с горы вниз по свежему снежку. Как материл Михалыч и меня, и Кощея, и Мороза, и всех, кого только припомнить смог. Хотя, при чем тут я, я так и не понял. И только когда я грохнулся сверху у ворот и словил себе на спину деда, только тогда дед замолчал. Правда, тут уже я заорал от боли и неожиданности, но кого такие мелочи волнуют? А потом, уже в Канцелярии, мы полчаса тыкали друг в друга пальцами, обзывали склеротиками и хохотали до слёз. Шмат-разум-то у меня в кармане был всё это время.

А в подарочном мешке были два картриджа для моего лазерного принтера и четыре пачки бумаги «Снегурочка». Вот, скажите – где Дед Мороз нашёл их тут?

Дела любовные, или О, спорт, ты – жизнь!

В глубокой задумчивости я вышагивал по коридорам и залам, направляясь в бухгалтерию. Мимо, вжимаясь в стены и старательно кланяясь, спешили по своим придворным делам разнообразные монстрики, скелеты, бесы, даже пара людей попалась, но я почти и не замечал их, погруженный в свои мысли.

Да мыслитель и что такого? Не всем же саблями махать во чисто поле, надо же кому-то и государственными делами планетарного масштаба заниматься. Не хочется, а надо.

Но спасение мира – это чуть позже, а пока меня больше всего волновало, где бы раздобыть знающего колдуна, чтобы Кощей магическое экранирование организовать. Казалось бы – сказочное государство, тут всяких волшебников, чародеев, магов и прочей этой заумной братии, как грязи должно быть, ан нет. Вредный бунтовщик Лиховид у нас в коробке заперт – предварительное заключение, так сказать. Кощей вернётся, пусть уже сам голову ломает, что с ним делать. Баба Яга еще есть – хозяйка участкового Лукошкинского. Колдует она точно, а вот насколько сильна, да и подойдёт ли её магический профиль для наших целей – вопрос. Ну и противная она, сварливая и меня почему-то сразу невзлюбила.

И всё. Больше колдунов не знаю. Есть они конечно тут, но или в засаде где-то сидят или по лесам-горам прячутся, чтобы их работать не припрягли. Пойди, попробуй, найди их. Охохошеньки... Ну почему всё самому делать приходится?

Добравшись до бухгалтерии, я пригладил волосы, вдохнул-выдохнул и вежливо постучал в дверь. Угу, царь. Угу, мог бы и пинком дверь открыть. Угу, может быть и жив остался, но денег точно бы не получил. Наш главбух – Агриппина Падловна, кикимора по происхождению и бухгалтер по призванию, дамой была крайне суровой. Дело своё знала великолепно и строга была немеряно. Габариты имела внушительные и круглый год без отрыва от производства сидела на жутких диетах, используя в основном народные рецепты, ну там, болотные гнилушки на завтрак, горсточку ила на обед, а на ужин, максимум – пару головастиков и то до шести часов вечера. Толку с того не было, а сама главбух от такой диеты только зверела. Профессиональная вредность плюс диетические страдания сделали из милой кикиморы ужасную гарпию, от которой шарахался весь дворец и даже мимо бухгалтерии придворные пробирались ползком или на цыпочках.

Однако у меня была уже отработанная система и, дождавшись громового «кого там еще бесы принесли?!», я вошёл в бухгалтерию и тут же схватился за сердце:

– Да что же вы со мной делаете, Агриппина Падловна?! – завопил я. – Я вас всего-то пару дней не видел, а вы с полпуда точно сбросили! Если так дело пойдёт, то через пару месяцев

у нас же тут во дворце дуэли из-за вас начнутся, будут трупы воздыхателей ваших на каждом углу валяться.

Главбухша довольно вздохнула и кокетливо поправила бо-лотную тину на голове:

– Ну, Федь, ты как скажешь...

– Вы это прекращайте, Агриппина Падловна, – я шутили-во погрозил ей пальцем, – эдак с вашим похудением мы скоро всех придворных кавалеров растеряем. Оставайтесь лучше такой как сейчас – в меру похудевшей и всеми любимой. Только платьице себе ушейте, а то на боках висит.

Всё, она моя.

Глазки у неё замаслились, подернулись мечтательной па-волокой, но профессионализм все же взял верх:

– Шо? Опять деньги пришёл клянуть?

– Не для себя, Агриппина Падловна, – я выставил перед собой руки. – Для детишек малых стараюсь. Хочу праздник сироткам наших сотрудников устроить.

– Сироткам? – усомнилась главбух.

– И сироткам тоже, – кивнул я. – Какие у них радости в жизни? С утра до вечера трудятся, родителям по дому помогают, а если и вырвутся на улицу в грязи повалиться, так раз в неделю, не чаще. Надо бы им, Агриппина Паддловна, хоть раз в год праздник сделать, по пряничку малому выдать, по петушку на палочке...

– Сколько?

– Детишек? Точно не знаю, сейчас кладовщик их перепи-

сывает и вам потом сообщит.

– Сколько денег надо?

– Ой, ну что вы всё о деньгах?.. Агриппина Падловна, а вы Новый год в этом миленьком платьице встречать будете или у вас уже нечто шедевральное для нас подготовлено? Только прошу вас – не увлекайтесь красотой, куда же больше? А то наши придворные вместо Снегурочки, только на вас и глазеть будут, весь праздник нам сорвут... А сколько денег я не знаю. По кулёчку сладкому соберём каждому ребёнку, ну, может куклу какую недорогую или лошадку деревянную. Вы же в этом лучше меня разбираетесь, вам и карты в руки. А на счет платья новогоднего, вы всё-таки серьезно подумайте – катаклизмы и народные волнения, они куда как дороже обходятся, чем подарки ребятам. А дети – это наше всё, это – наше богатство.

– Продавать их надумал штоле? – оживилась главбух.

– Нет, это я так, в образно-государственном смысле. С перспективой на будущее.

– Ладно, – вздохнула Агриппина Падловна, – половину казна оплатит. И не спорь, Федька! Половину пушай родители выкладывают! Казна у нас не безмерная! Всё иди-иди, мне еще годовой отчёт составлять.

Послав ей воздушный поцелуй, я живенько смотался, пока не передумала. А казна у нас хоть и не безмерная, но вполне хватит, чтобы полмира купить. Уж чего-чего, а денежек у Кощея на тысячу лет непрерывных пиров хватит. Просто

должность такая у Агриппины Падловны, понимаю.

– Федька! – вдруг раздался громовой голос из бухгалтерии, и я покачнулся от воздушной волны, ударившей в спину. – А ну, подь сюды!

Ой-ёй, только бы не передумала. Я метнулся назад и был крайне поражен увиденным – главбухша, с трудом выбравшись из-за стола, старательно пыталась сделать книксен:

– Ваше... это... Федь, Величество...

– Ой, ну что вы, Агриппина Падловна, – кинулся я к ней, – а ну-ка сядьте немедленно и прекращайте уже эти церемониальные штучки! Ну как вам не стыдно? Вы же для нас как мать родная, а тут поклоны бить надумали...

– Федь... – главбух поёрзала в кресле, устраивая в нём свой необъятный... седалищный нерв. – Подумала я тута, а давай мы полностью подарки детишкам оплатим за счет казны? Чай не обеднеем. Жалко их, сопляков малых...

– Та-а-ак... И в чем подвох?

– Просьба у меня Ваше... Федя.

– Для вас – что угодно, – твёрдо заверил я, мысленно вздыхая.

– Племяшка моя... Помоги, Федь?

– Елька? А что не так? Вроде у нее все в порядке, с работой справляется, Варя её хвалит, Сидор приглядывает, да и сама довольная вон круги по дворцу нарежает, фиг догонишь.

– Не Елька, – вздохнула главбух. – Тамарка. Подросла девочка, замуж пора, вот и хочу ей хорошего мужика найти.

– А у меня уже невеста есть, – лихорадочно забормотал я. – И свадьбу мы летом планируем. А может и раньше – весной или вон на Новый год как раз.

– Да тьфу на тебя, Федька! Какой из тебя жених для моей Тamarки? С кикиморой справиться, енто слабо тебе будет.

Слава богам! Блин, напугала, аж в животе заныло.

– Ну, я не против, Агриппина Падловна, только чем помочь-то могу?

– Слыхал, небось, Горох Лукошкинский жениться надумал? Баб себе из-за границ понавывисывал, скоро приедуть и будет он средь них царицу себе выбирать?

– Ну да, докладывали что-то такое... Вы племянницу Гороху подсунуть хотите?!

– А чего нет? – удивилась главбухша. – Девка она у меня ладная, хоть и масти непривычной, но на такое мужики и кидаются. Хорошая, пригожая, да и хозяйка знатная – сама всему обучала. А да что я тебе расписываю? Ща покажу... Тamarка! А ну рысью сюда!

В бухгалтерию зашла красна девица, ну, может и не столько красная, сколько коричневая, но высокая, фигуристая. Поклонилась низко, а потом стала, ручки сложила спереди, глазки потупила.

– А чего эта она такого цвета? – шёпотом спросил я у главбухши.

– Да сестрица моя Мушандра, спуталась с ефиопом одним знатным и получите подарочек через девять месяцев.

– А где же она в наших краях негра-то нашла? Ой, не надо, не рассказывайте, мне и своих забот хватает. А почему опять на вас дочку свалили? Везет вам – то Елька, теперь – Тамарка. А больше у вас племянниц нет?

Агриппина Падловна начала считать, загибая пальцы, но тут же спохватилась и яростно замотала головой:

– Только две енти принцессы, а боле ни одной нет! Мушка с хахалем своим загорелым по миру гуляет – решили вона южные земли поближе рассмотреть, говорят царство там своё, за морями-окиянами оснуют... обоснуют... освоют... Тьфу ты! А мне Тамарку и подкинули.

– Понятно. А что, мне идея нравится, прикольно. Если и правда дело выгорит – поржём вволю. А ты сама, Тамара... Как по отчеству-то?

– По матчеству, – низким, но приятным голосом поправила тёмно-красна девица. – Мушандровна. Матушка у меня – Мушка, стало быть, Тамарка Мушандровна я и есть.

А верно, вечно я забываю, что у кикимор по матери всё. И по жизни по имени. Угадайте, как маму нашей главбухши звали?

– Так что, Тамара Мушандровна, хочешь за Гороха-то?

– Хилый он какой-то... – протянула она. – И борода противная.

– Да вроде и не хилый, – удивился я.

– Тамарка! – рявкнула Агриппина Падловна. – Ить она тут еще перебирать будет! Ей царя в постель пихают, а она

нос воротит!

– Да я что? – потупилась юная кикимора. – Давайте хоть царя, чего уж...

– Уговорили, – хмыкнул я. – Теперь надо подумать, как тебя Гороху представить.

– А чего тут думать, батюшка? – снова поклонилась Тамарка. – Принцесса я и есть. Папашка-то мой – принц, хоть и младшенький.

– Ну, пойдет. Давай только для конспирации, не эфиопской тебя принцессой назовём, а, скажем... Нигерийское королевство, во. Только тебя приодеть соответствующе... Точнее – прираздеть. Вряд ли в Африке наши сарафаны с шубами в моде.

– А у меня есть, батюшка, – затараторила кикимора. – Маленька с папенькой как в чужедальние края подалися, так подарками меня и засыпали, чтобы я не плакала. У меня и шкур каких угодно много, и носорожьбы есть, и жирафьи, и леопардовы с хвостами...

– Трепло ты, Тамарка, – проворчала главбухша. – Таких и слов-то на свете нет, а она – шкуры...

– А вот и есть, тётушка! А вот и есть! А еще у меня лук со стрелами есть, да копье ихнее, народное! Я с ним ентою осенью на кабана ходила! С одного раза соседского порося уложила, вот!

– И разговаривать тебе, Тамара, не по-нашему надо, – заметил я.

– Ндугу бвана вангу, – гордо подбоченилась Тамарка.

– А ну, цыц, охальница! – рявкнула тётушка. – Поведайся мне еще при царе-батюшке!

– Ух ты! – удивился я. – Ты и по-африкански говорить можешь?

– Суахили, батюшка, – поклонилась кикимора.

– Да ты слова-то выбирай! – снова заорала главбух. – Ты как царя обозвала, паршивка?! Сама ты суа... енто самое слово!

– Всё в порядке, Агриппина Падловна, – вмешался я. – Это язык такой, ну, как у нас французский или там английский.

– Язык у них, – проворчала успокаиваясь пожилая кикимора. – От я бы енти языки и пообрывала бы под корень...

– Ну, значит, договорились, – я поднялся. – Свиту еще надо, да хорошо бы негритянскую, поколоритнее. Ну, негров нам Калымдай организует – его бойцы запросто любую личину накинуть могут, а с национальными одеждой и оружием в процессе решим.– Я задрал кверху голову и заорал: – Калымда-а-ай!

Пять минут и бравый полковник уже вытянулся по стойке смирно в бухгалтерии.

Понимающе кивая и изредка хихикая, Калымдай выслушал поставленную перед ним задачу, кивнул: «сделаем» и открыл дверь, пропуская Тамарку вперед: – Мадмуазель...

Та важно вышла из кабинета, а Калымдай, подмигнув мне,

шагнул вслед за ней. Тут же в коридоре раздался визг и звонкий шлепок. Что такое? Я выскочил из бухгалтерии и уставился на счастливую, потирающую попу Тамарку и не менее счастливого, потирающего щеку Калымдая.

– Калымдай! Я тебе что поручил? А ты чем занимаешься?! Марш работать!

– Виноват, господин генерал, – вытянулся он и снова подмигнул.

Совсем распустились тут.

– Вот покончу с Кошечевыми проблемами – возьмусь за них, – ворчал я, сворачивая из главного коридора в тронный зал. – Один самогонкой заливается, другой – девок щиплет... И всё на глазах у меня-батюшки! Будто мне не завидно...

Сильные руки подхватили меня и под шелест крыльев я был вознесён к потолку.

– Мсье Теодор, – горячо зашептали мне в ухо, – я по Кнуту соскучилась. Никаких сил нет, даже руки дрожат от любовной страсти, вот-вот разожмутся.

– Вот Кнута Гамсуновича своего и хватай, Маш, чего ты в меня вцепилась?

– А дайте тогда мне во временное пользование ваш Шмат-разум, а? Я быстренько туда и сюда. Поздоровуюсь только с господином послем и сразу назад. Ну, хоть на три денёчка, а, мсье Теодор? – заканючила Маша.

– Максимилиана седлай и вперёд.

– Холодно же, мсье Теодор! Застужу себе всё женское, потом сами лечить будете.

– Маш, мне Шмат-разум самому нужен. Не дам.

– А давайте вместе тогда в Лукошкино вояж сделаем? Вы же наверняка по мадмуазель Варе соскучились, а она так вообще глазки свои томные прорыдала вас дожидаясь.

– Хотелось бы, конечно...

– Вот и аванти, мон шер!

– Летим, Маш в Канцелярию, а там видно будет.

Повизгивая на крутых поворотах, я болтался в крепких вампирских объятиях, а сам размышлял о том, что, действительно, а почему бы и не рвануть в Лукошкино? С Никитой на счет его бабки поговорю – может и правда нам поможет с магическим экраном? Ну и Варюшу повидаю...

В Канцелярии за столом горько рыдала Олёна.

– Что случилось? – кинулся я к ней, едва Маша поставила меня на пол.

– Ой, плохо мне, батюшка! – завывала она. – Ой, истосковалось сердечко моё-о-о!

– Всё-всё, – успокоила её Маша, – заканчиваем спектакль, я уже договорилась с Теодором – едем в Лукошкино!

– Ой, как здорово! – захлопала в ладоши Олёна, сияя совершенно сухими глазами.

– Бабы, – философски пожал плечами дед, уворачиваясь от просвистевшей у его уха миски. – А и правда, внучек, поехали? И сам-то, небось, по Варьке соскучилси, да и я пару

слов Пелагеюшке пошептать хотел.

– У нас же дел полно! – возмутился я. – А работать кто будет? Вам бы только бездельничать, да развлекаться, а я всё на себе один тащу! Давай полушубок. И бесенят гони на кухню – пусть у Иван Палыча профитроли для Вари попросят, не с пустыми же руками отправляться, а она их любит даже кажется сильнее, чем меня.

Девушки кинулись меня расцеловывать, а я кинулся от них в ванную – приводить себя в порядок.

* * *

В Лукошкино было необычно. Я тут давно не был, а теперь с интересом оглядывался по сторонам. Вся Колокольная площадь, как и весь город, была засыпана толстым слоем пушистого снега. Легкий ветерок носил снежинки вокруг нас, стараясь запихнуть их за шиворот, а если не получалось, то обиженно бросал их пригоршнями в лицо. Снег был хаотично расчерчен утоптанными тропинками, совершенно не поддающимся никакой логике. Ну, когда тропинки тянутся параллельно друг другу, это понятно – двое рядом шли, а вот когда такие же тропинки на расстоянии метров трех-четырех друг от друга? По уже протоптанной нельзя было пройти? Пересекающиеся под самыми разными углами – тоже нормально, а вот та, например, начинающаяся с переулка и заканчивающаяся прямо посередине площади? Шёл-шёл и

передумал? Назад по своим следам пошел или вознесся? А, ну их. Делать мне больше нечего, как логическое мышление лукошкинцев пытаться понять.

Девчонки наши моментально улизнули, а мы с дедом направились к высокому забору, за которым находились школа и терем моей Вари.

– Деда, ты, наверное, один иди, а я к участковому сбегаю и подойду попозже.

– А чавой-то ты у него забыл?

– Да хочу на счет его бабки порасспрашивать – может поможет она нам с Кощеем.

Михалыч вдруг резко остановился, снял с меня меховую шапку, пригладил заботливо волосы, обошел сзади и... отвесил мне подзатыльник!

– Ты чего, дед?! За что, блин?!

– От ты, внучек, умный-умный, а местами, ну как те Иванушки, что Кощея-батюшку воевать ходят – дурак дураком. С какого это непостижимого хрена ты удумал, что Яга помогать Кощею будет? Да и участковому, дружку твоему, который сам царя-батюшку в тюрьгу упёк, зачем оно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.